

Мне нравится все, что пишет Элис!
Джоджо Мойес

ЭЛИС ПЕТЕРСОН ПИСЬМА МОЕЙ СЕСТРЫ

ВСЕ
БУДЕТ
ХОРОШО!

Все будет хорошо! Романы Э. Петерсон

Элис Петерсон
Письма моей сестры

«ЭКСМО»

2005

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44

Петерсон Э.

Письма моей сестры / Э. Петерсон — «Эксмо»,
2005 — (Все будет хорошо! Романы Э. Петерсон)

ISBN 978-5-699-94878-9

Кэти Флэтчер – успешная бизнес-леди, владелица собственного бутика модной одежды. Все женщины ей завидуют, ведь рядом с ней любящий мужчина, с которым каждый день похож на сказку. Но счастливая жизнь Кэти рушится в один миг, когда на пороге ее дома появляется незваная гостья, чье существование Кэти долгие годы пыталась скрывать.

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-699-94878-9

© Петерсон Э., 2005
© Эксмо, 2005

Содержание

1	6
2	11
3	15
4	17
5	21
6	23
7	28
8	31
9	39
10	41
11	45
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Элис Петерсон

Письма моей сестры

Роман

Посвящается моей сестре Элен.

И Софи, вдохновившей меня на эту книгу.

Alice Peterson
Letters from my Sister

* * *

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

Copyright © 2005 by Alice Peterson

© Гилярова И., перевод на русский язык, 2017

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство „Э“»,
2017

* * *

1

2004

– Доброе утро, Эдди.
– Как обычно, Кэти? – Он включает кофемашину. – Ты что, уезжала куда-то?
– Да, я была две недели в Париже, по делам. На дефиле-шоу.
– Париж и дефиле? Для меня это звучит как праздник.
– Ага! Только представь, тебе надо рыться в одежде трех тысяч модельеров. Через несколько дней у тебя пропадет всякий интерес, уверяю! Чувствуешь себя как на скотной ярмарке, где продают коров.

– Порция капучино и сверху органический шоколад?

– Чудесно.

– Впереди тяжелый день?

– Да, очень. Никакого роздыха, увы.

– У тебя опять новый цвет волос, – замечает он.

Я киваю.

– Сегодня вечером у меня фэшн-шоу, демонстрация новых идей. – Я роюсь в сумочке, отыскивая подходящие купюры. – Эдди, хочешь пойти? У меня осталось еще много билетов.

Он улыбается.

– Пожалуй, в следующий раз. Ну, до завтра.

– Пять минут! – кричу я моделям, пытаюсь отвлечься от назойливых запахов лаков для волос и пенок для укладок, витающих в гримерке. Где же Сэм? Я набираю на мобильном его номер.

– Кэти, я уже еду, клянусь, – бормочет он в трубку. – В кэбе. – Он изображает шум мотора. – Да, налево, приятель.

– Сэм! – В трубке ясно слышится звонок телефона. – Ты все еще в офисе, да?

– Через полчаса буду, – заверяет он меня.

– Сэм, ты мне очень нужен.

– Осторожнее, так слишком туго! – визжит Генриетта, одна из моих моделей. – Ты *точно* профессионалка? Что-то непохоже!

– Пожалуйста, приезжай скорее. – Я нажимаю на кнопку отбоя и с тяжелым вздохом возвращаюсь в гримерную. Хен сидит в углу и с недовольной гримасой поглаживает свою светлую прядь.

– Хен, пять минут, – говорю я, отсчитывая на пальцах: – Раз, два, три, четыре, пять. Пусть она займется твоими волосами.

Я смотрю на хаос из туфель на высоких каблуках и на вешалки с черной одеждой, ждущей показа. У меня на Турнхем-Грин есть бутик FIB, что значит «Female in Black» («Женщина в Черном»). Мы продаем дневную и вечернюю одежду и аксессуары, а сегодня у нас

показ летней коллекции. Разумеется, наряды наши в основном черные, кроме некоторых аксессуаров и иногда вспышки цвета для контраста. Теперь я устраиваю модные показы два раза в год; работа тяжелая, но она окупается. Сегодняшний показ проходит в Чизуик, в доме одного из клиентов Сэма. Дом такой большой, что хоть марафон в нем устраивай. И превосходное место для показа, потому что моим местным клиентам не нужно далеко ехать. Владельцы по минимуму потратились на дизайн интерьера: дощатый пол, белые стены, софиты, современная живопись, зеркала в позолоченных рамах. По сути, почти клон жилища Сэма, только у него оно вдвое меньше.

Зрители рассаживаются по местам; я слышу знакомые звуки – шарканье ног, скрип стульев. Как обычно, к этому моменту мои нервы уже звенят от напряжения. Я нервно отпиваю полбокала шампанского, розовая помада размазывается по ободку.

– Твой бокал наполовину полон или наполовину пуст? – первое, что сказал мне Сэм, когда мы с ним встретились меньше года назад на чьей-то вечеринке. Потом: – Позволь мне его пополнить. – И подмигнул напоследок.

Будь он не таким привлекательным, я бы, пожалуй, вежливо отказалась. Я даже оглянулась, чтобы убедиться, что он обращался именно ко мне; что он взял *мой* бокал водки с тоником...

Ив, моя сотрудница из FIB, сообщает, что фотограф хочет быстро переговорить со мной перед началом показа и что приехал кто-то там из прессы.

– Удачи, девочки, – желаю я. – Держите класс, почувствуйте себя классными, ведь вы точно классные! – Кажется, одна из моделей вытаращила на меня глаза?

Быстрый взгляд в зеркало. На мне одно из тех платьев, которые мы показываем сегодня: черное, воротник хомутиком, длина ниже колена. Вокруг шеи и на груди полоски из серебристого бисера; низкий вырез на спине с серебристыми пуговицами. Мой наряд дополняют серебристые туфли без задника. Свои темно-каштановые волосы я перекрасила в черный цвет и заколола на затылке белой розой.

Показ открывает модель в атласном топе и черной хипстерской юбке с поясом, расшитым серебристым, мерцающим под софитами, и черным бисером. В одной руке у нее черная атласная сумочка с маленькой серебряной застежкой, в другой бокал для коктейля. Я решила открыть вечер головокружительной инъекцией гламура. Скользящей походкой модель проходит по деревянному полу к камину. Зрители провожают ее восторженными аплодисментами. В этот момент я вижу Эмму, мою школьную подругу. Она садится на стул в заднем ряду. Ее трудно не заметить. Рост Эммы почти шесть футов, и в школе, когда мы играли в нетбол, она всегда была голкипером. Одними губами она говорит мне «Привет» и раскрывает программку.

Сэм, где ты?

Начинает звучать песня «Убийство на танцполе» Софи Эллис-Бекстор. Выходит следующая модель, та капризная Генриетта, огорченная, но решительная, с волосами, завязанными в конский хвост. Ее мать, сидящая в первом ряду, с обожанием смотрит на дочь. «Генриетта и мать» всегда вместе, в одной упаковке, словно шарик и веревочка. Мать у Хен хромая, но при деньгах, и если ее усадить в углу моего бутика в шезлонг, задобрить несколькими бокалами чего-нибудь этакого и вообще обращаться с ней как с королевской особой, она скупит своей дорогой дочке Генриетте почти весь мой ассортимент. «Все, что тебе нравится, я не против», обычно бормочет она в сгущающемся тумане. Сэм часто интересуется: была ли у меня та «старая жаба в углу»? Он знает, что если была, то его ждет удачная ночь.

Когда песня достигает своего апогея, Генриетта театрально поворачивается, бросает быстрый взгляд на мать – та сразу одобрительно стучит о пол своей палкой – и покидает зал. Пока все идет хорошо. Все переговариваются, в зале стоит шум. Зрители с интересом заглядывают в программки, что-то записывают – а это всегда хороший знак.

Следующая девушка появляется, вальсируя, в вечернем платье с узором «зебра» и с красной шалью. Это один из моих любимых образцов. Ее волосы окрашены в черный как смоль цвет, коротко острижены, с острой челкой – стиль «Чикаго». Поет Стиви Уандер, «Предрассудки». Я ерзаю на стуле. Эта песня всегда напоминает мне о доме. О школьных годах. Я словно услышала крик из маминой студии «Выключи этот чертов шум!», когда из спальни сестры целыми днями звучало «Я просто позвонил, чтобы сказать, что я люблю тебя!». Совсем другой мир.

Я вспоминаю о Беллс. У меня перед глазами возникает ее письмо, торчащее из моего кожаного ежедневника, ее знакомый, аккуратный почерк. Я даже не открыла его. Каждое ее письмо вызывает у меня обострение чувства вины, потому что никогда не отвечаю на них. Хочу, но мне мешает то одно, то другое – поездки за границу, работа, рестораны, занятия йогой, вечеринки, Сэм...

– Неужели трудно сесть и написать ей хоть одно письмо? – ругает меня папа. – Она будет очень рада.

В конце шоу все модели выходят к зрителям. Фотограф из «Татлера» делает финальный снимок.

– В заключение я хочу поблагодарить мистера Тодхантера за то, что он позволил мне воспользоваться для организации показа его восхитительным домом. Тем более что я обратилась к нему не заблаговременно, а совсем недавно, – объявляю я. Под общие аплодисменты я жму ему руку. – Прошу всех не уходить. Будет фуршет. Еще раз спасибо всем, кто сегодня пришел.

Я пожимаю руки, чмокаю в щеки, двигаюсь сквозь толпу в ореоле комплиментов, слыша «Чудесное шоу, Кэти», или «Изумительно», или «Дорогая! Ты выглядишь на миллион долларов». Мой бокал постоянно пополняется шампанским, а во мне бушует адреналин. Ив сообщает мне, что фотограф хочет сделать мою фотографию для газеты. Я приветствую его и изображаю свою лучшую улыбку, стараясь не показывать слишком много зубов.

– Благодарю, – говорит он, сфоткав меня, и добавляет: – Шикарное шоу.

– Спасибо, что пришли, – отвечаю я и на секунду едва не теряю равновесие. Хмель уже подобрался ко мне. Хорошо бы парень заретушировал потом эти противные красные пятна на моих щеках.

Теплая рука, скользя по моей талии, поворачивает меня на сто восемьдесят градусов.

– Сэм.

– Поздравляю, детка, это была сенсация. – Он целует меня. Его упругая кожа нежно касается моей щеки.

– Ты пропустил половину. – Я улыбаюсь, а не укоряю, моя нервозность улеглась при виде него.

– Я видел лучшую половину.

– Извини за то, что я рявкнула на тебя, Сэм. Это был мой обычный приступ паники перед шоу.

– Все круто, не беспокойся. – Он ослабляет галстук, наклоняется ко мне и шепчет: – Здесь старая жаба в углу?

Я замечаю, что ко мне пробирается Эмма, одетая в деловые черные штаны и бирюзовый кардиган, оживляющий ее оливковую кожу. Она клинический психолог и, скорее всего, явилась сюда прямо с работы. Но не успеваем мы поздороваться, как...

– Кэти, дорогая, это было лучшее шоу из всех, – заявляет Антония, одна из моих клиентов, живущая за углом от моего бутика. – Увы, мне надо сначала избавиться от моего живота, он вырос у меня после родов. И уж потом я смогу думать о том, чтобы купить что-нибудь из твоих нарядов. Ведь они годятся только на стройную фигуру.

– Антония, ты быстро восстановишься, – заверяю я, – и очень скоро наденешь мои платья.

– Правда? – Она краснеет и прикладывает ладонь к щеке. – Ну я могу заскочить к тебе завтра и устроить примерочный пир. Скоро мне предстоит идти на торжества по случаю помолвки. Все будет очень церемонно, обед и всякий там разный джаз.

– Ну, я уверена, что FIB поможет тебе. Как твой малыш?

– Ой, я готова отнести его назад в магазин, – она смеется своей шутке, – и попросить назад деньги. Я мечтаю выспаться хоть пару ночей.

Сэм, Эмма и я понимающе киваем, хотя никто из нас понятия не имеет о родительских хлопотах. Эмма из нас ближе всего к деторождению, поскольку помолвлена с Джонни. Что до меня, то одна лишь мысль о ребенке вызывает у меня панику. Я скорее соглашусь жить на компостной куче, чем пройти через все стрессы и хлопоты, как моя мама.

– Антония, это Эмма, моя старинная школьная подруга, а это Сэм, мой... – Партнер? Вторая половинка? Нет. – Мой бойфренд, – подбираю я наконец подходящее определение.

– Ну, я настоятельно советую вам обоим предохраняться. – Она кивает Сэму, мне и снова подкрепляет смехом свой юмор. – Это немыслимо *изматывает*. Честно говоря, мне никогда не хотелось иметь двух детей, но бедный маленький Билли очень просил подарить ему братика или сестру. Мой муж сказал, что иметь только одного ребенка эгоистично. К тому же считается, что единственный ребенок вырастает испорченным негодяем, не так ли?

– Вот я единственный ребенок, – вмешивается Сэм и проводит ладонью по волосам. Я замечаю, как он подмигнул Эмме.

Антония снова розовеет.

– Кэти, а у тебя есть семья? Я уверена, что они гордятся тобой и тем, чего ты добилась. Открыть собственный бизнес и сделать все это. – Она обводит взглядом зал. – Они были здесь сегодня?

– Нет, к сожалению, не смогли. – Я выразительно смотрю на Эмму и Сэма в надежде, что они как-нибудь сменят тему. Сэм вместо этого спрашивает, где здесь туалет, и уходит.

– Какая жалость. У тебя есть братья? Сестры? – продолжает допрос Антония.

Я оглядываюсь по сторонам. Сэм меня не спасет.

– Нет, я одна.

Эмма меряет меня суровым долгим взглядом. Занятно, что невинный вопрос может обладать таким мгновенным отрезвляющим эффектом.

– О! – говорит Антония. – Но ничего. Быть единственным ребенком тоже нормально. Как я сказала, я бы охотно остановилась на одном, – продолжает она, закапывая себя в еще более глубокую нору.

– Эмма, не надо, – предупреждаю я подругу, когда Антония наконец отходит от нас.

– Как знаешь, – отвечает она язвительным тоном, от которого мне становится не по себе.

– Так мне проще, тогда я избавлена от неловких вопросов и ужасных сочувственных улыбок.

– Ладно, – соглашается Эмма, но в ее тоне нет и намека на примирение. – Если так для тебя лучше, продолжай.

Я терпеть не могу, когда она рубит вот так, сплеча. По залу снова стали разносить напитки, и мы берем по бокалу.

– Что ж, вернемся к бизнесу, – говорю я и с бокалом шампанского направляюсь к матери Генриетты.

Сэм поворачивает ключ, и мы входим в дом. Наши отношения начались девять месяцев назад, и спустя всего три месяца я перебралась к нему. Сэм работает в Сити. Прежде он был валютным трейдером. Теперь он работает в сфере «слияния и поглощения», или, как он это называет, «М & А». Он живет в Ноттинг-Хилл, в двух шагах от рынка Портобелло, знаменитого книжного магазинчика и кинотеатра «Электрик Синема». С моей стороны это был импульсивный шаг, но никто из нас не видел смысла жить порознь, потому что я оставалась у него почти каждую ночь. Да и мне тут проще жить, поскольку до моего бутика я доезжаю отсюда на автобусе. К тому же у Сэма в каждой комнате стоит по плазме, а на верхнем этаже имеется сауна. Как я могла отказаться?

Мама тут же заподозрила неладное и забросала меня вопросами. «Кто этот парень? Ты уверена, Кэти, что готова к серьезным отношениям? Ты скачешь от одного партнера к другому и не думаешь о завтрашнем дне». Ее реакция меня ничуть не удивила, и я еще сильнее захотела быть с ним.

Сэм достает почту, в основном хлам – реклама такси, компаний по доставке пиццы, карточка, сообщающая, что сотрудник электрической компании приходил проверять счетчик, но никого не застал.

– Ничего срочного. Это может подождать, – Сэм бросает почту на маленький столик в холле. Потом обнимает меня.

– Я усталая и счастливая, – признаюсь я ему. – Сегодня все прошло хорошо, правда?

– Ты богиня моды, дорогая.

Я целую его.

– Спасибо огромное, что ты помог мне организовать этот вечер. – Я знаю, что Сэм изменил своим привычкам и попросил мистера Тодхантера предоставить нам его дом для шоу. – Без тебя у меня ничего бы не вышло.

Лицо Сэма расплывается в горделивой улыбке.

– Я с удовольствием это сделал. Ведь мы с тобой одна команда.

– По-моему, вполне успешная.

– Лучшая в мире.

Я бросаю взгляд через его плечо. На автоответчике мигает красный огонек.

– Хочешь выпить? – спрашивает Сэм, сбегая по ступенькам на кухню.

– С удовольствием. – Я скидываю с ног туфли. Мои ступни болят. Я снова смотрю на автоответчик, точно зная, что сообщение адресовано мне.

– В сауну? – предлагает Сэм, когда я уже почти собралась нажать на кнопку. Он держит два бокала и бутылку коньяка. – Оставь все до завтра, это, скорее всего, Магуайр. Пойдем, я приготовил для тебя сюрприз.

Я отворачиваюсь и иду за ним наверх.

2

После утренней пробежки, на которую я вышла, чтобы прогнать похмелье, я захожу в бутик с моими обычными капучино и круассаном, а также с шоколадной булочкой для Ив, обожающей шоколад. Ив просматривает заказы.

– Заказов куча, особенно на французские кружевные платья; многие просят внести их в рассылочный список, – сообщает она и улыбается, когда я вручаю ей булочку.

– Чудесно! А вчерашний вечер прошел даже лучше, чем я ожидала. Ив, я хочу тебе сообщить, – продолжаю я, – что Сэм на Рождество пригласил меня кататься на лыжах! Это был сюрприз. Он оставил билеты на моей подушке.

– Мечта, а не парень, – вздыхает она. – А мы с Гектором в последнее время постоянно грыземся. – Гектор – ее бойфренд. – Значит, у вас все серьезно, да?

Ив француженка. Когда полгода назад я дала объявление, что ищу новую помощницу, она была вне конкуренции. Она приехала точно в назначенное время, одетая в черную рубчатую водолазку и замшевую юбку, а ее длинные, золотисто-рыжеватые волосы были убраны в безупречный «конский хвост». На мои вопросы она отвечала так серьезно, словно от этого зависело ее будущее. «Кэти, мне у вас очень нравится. Я надеюсь, что получу эту работу, – сказала она и легонько постучала по моему столу. – Вот, стучу по дереву».

– По-моему, у нас все серьезно. Я везучая, – выпаливаю я, и мне тут же становится неловко – ведь Ив только что сообщила о своих неладах с Гектором.

– Да и он тоже везучий. Кэти, может, он «тот самый»?

– Пожалуй.

Вечером, когда я готовлюсь закрыть бутик, раздается стук в окно. На улице стоит Сэм в темных очках, держа бутылку вина, завернутую в тонкую бумагу, и букет лилий.

Он протягивает мне цветы.

– Решил забрать тебя сегодня с работы. Для разнообразия ушел пораньше из офиса.

– Зачем все это? – усмехаюсь я. – Лыжи, а теперь еще цветы и личный шофер. Если ты будешь продолжать такую линию и дальше, мне никогда не захочется от тебя уходить.

– В этом-то и кроется мой замысел, Китти-Кинс, – говорит он, целуя меня. Стоит жаркий летний вечер, рестораны и бары еще открыты. Приятели встречаются после работы, болтают и выпивают под последними лучами солнца.

– Ты ведь помнишь, что мы идем сегодня в гости? – напоминает Сэм, отпирая входную дверь.

– Да?

– Кэти, я сделал запись об этом в нашем светском календаре. Ужин с Магуайром и его новой леди.

– Прости, совсем выскочило из головы. Сегодняшний день получился невыносимо беспокойный. У нас с Ив не было времени даже на ланч. Я уже подумываю еще об одной помощнице. – Я подхожу к автоответчику и нажимаю кнопку. – Сэм, ты можешь сочинить что-нибудь? Ну, бокал приятного вина?

Сэм поднимает брови.

– Может, лучше неприятного? – острит он.

– Кэти, это папа, – доносится из автоответчика, я застываю на месте. Должно быть, это вчерашнее сообщение. Я ведь тогда *знала* – что-то случилось.

– Мне нужно поговорить с тобой. Это... – Он кашляет. – ...Это в самом деле очень срочно.

Я судорожно сглатываю. Господи, что-то случилось с мамой. Или с Беллс. Кто-то из близких умер? Тетя Агнес? Наверняка он удивился, почему я сразу ему не позвонила.

Сэм с любопытством смотрит на меня.

– Твой старик никогда не звонил сюда.

Сэм прав. Папа всегда звонит мне на работу. Почему же он не позвонил мне туда сегодня, раз все так срочно?

– Я ничего не понимаю, – я непроизвольно сжимаю губы.

– Речь идет о маме. Она доработалась до болезни, – продолжает папа. – Ты ведь знаешь, какая она. Мы много лет жили без приличного отдыха. А тут обратились к доктору, и он настоятельно посоветовал сделать перерыв. Я увожу ее. Поэтому, – он делает паузу, – нам надо поговорить о Беллс.

Беллс. Не говори больше ничего, папа, пожалуйста. Положи трубку.

– Что за Беллс? Ваша собака? – вмешивается Сэм.

– Где вино? – напоминаю я, мечтая, чтобы он ушел.

– Кэти, ты знаешь, как я ненавижу домашнюю живность.

– Мы с мамой поедem на две недели во Францию, – рассказывает папа. – Но мы не можем оставить Беллс одну.

Сэм мотает головой.

– Сидеть с мамочкиной собачкой – все равно что сидеть с тухлой рыбой. Тухлоу Эсквайр, я так их называю.

У меня все клоочет внутри.

– Сэм! Иди! Вино! – рявкаю я и уже тянусь к клавише «стоп». Но Сэм решительно накрывает мою руку своей.

– Что случилось, Кэти? Господи, я думал, что только у меня трудные отношения с родителями.

Сэм всегда избегал говорить о своей семье. «Кто такой Джулиан?» – как-то спросила я. «Мой отец», – ответил он с необычной сухостью в голосе, которая не располагала к дальнейшим вопросам.

– Мне очень нужно поговорить с тобой, – продолжил папа. – Весь день меня не будет дома. Ты можешь позвонить мне сегодня вечером? – Снова долгая пауза. Я мечтаю, чтобы Сэм ушел, но он маячит рядом, словно заряженное ружье.

Папа тяжело вздыхает, и это смешит Сэма.

– Все дело лишь в паршивой собаке, правда, Кэти? Но можно подумать, будто он говорил о том, есть ли будущее у евро, – фыркает он и наконец-то спускается по ступенькам на кухню.

В два часа ночи я встаю и иду искать свои сигареты. Безуспешно. Вечеринка прошла для меня тускло, потому что я невольно возвращалась мыслями к Беллс. Разумеется, Сэм и не заподозрил об этом. Я улыбалась, когда было нужно; я смеялась пошловатым шуткам Магуайра. Но Сэм ничем не мог мне помочь. Почему это случилось сейчас, когда все шло так хорошо? Ох, Сэм! Где же ты их спрятал? Я сверлю шкафы недовольным взглядом. На кухне Сэма ничего лишнего. Все поверхности чистые, лишь в углу скульптурная композиция из разноцветных молочных бутылок. Сэм считает, что она отражает дух современного мира.

Я открываю один шкаф и изучаю полки. Может, Сэм сунул сигареты в скороварку, которой мы не пользуемся? Нет. Я приподнимаюсь на цыпочки и шарю наверху шкафа. Я уже готова пристукнуть Сэма. Если я хочу курить, почему я не могу выкурить одну сигарету?

Я начинаю с грохотом выдвигать и задвигать ящики, а в моей памяти снова прокручивается разговор с папой.

– Кэти, мы знаем, что ты человек занятой, но мне нужна твоя помощь, – сказал он мне тогда.

– Все так неожиданно. Почему ты не говорил мне, что мама так устала?

– Плохо слышно, повтори еще раз.

Я повторила вопрос, прислушиваясь к тому, что делает Сэм наверху: он ходил по спальне, открывал наш гардероб, пустил воду в ванной.

– Ох, Кэти, ты ведь знаешь, какая она гордая. Мы почти никуда не ездили всю жизнь. Слушай, это всего две недели.

– Как у нее здоровье? – спросила я, кусая губу. – Па?

– Все будет нормально, если она сделает перерыв, и мы куда-нибудь съездим на отдых.

– Правильно, – согласилась я. – Я знаю, что вам нужно устроить себе отпуск. Но только я не уверена, что смогу присмотреть за Беллс. Все так неожиданно.

– Я уже все забронировал, – твердо сказал папа.

Как непохоже на него! Он что-то сделал, не спросив меня. Откуда он вообще знает, что я свободна? Ведь я тоже могла куда-нибудь уехать за границу по делам или на отдых.

– Мы разве не можем попросить кого-нибудь еще?

– Кого, например?

– Тетю Агнес. Она охотно...

– Беллс хочет побыть с тобой.

– Почему? – Я говорила громким шепотом. – Я не могу позвать ее сюда.

– Не можешь или не хочешь?

– Ну а мой бутик? Извини, но я не могу все бросить. Лучше давай обратимся к тете Агнес.

– Теперь послушай меня, Кэти. Мы с мамой никогда не просили тебя ни о чем до сегодняшнего дня. Нам необходимо провести эти две недели вместе, а Беллс очень хочет пожить у тебя в Лондоне. Я сказал ей, чтобы она сама попросила об этом. Разве ты не получила ее письмо?

– Вероятно, оно затерялось где-то, – солгала я, вспомнив про нераспечатанный конверт в моем ежедневнике.

– Ох, Кэти! – с отчаяньем воскликнул он. – Почему ты ей не пишешь? Она всегда спрашивает о тебе – «Как там Кэти? Я давно не видела Кэти».

Я почти услышала, как Беллс это говорит, и мое сердце растаяло на долю секунды. Должно быть, папа тоже это почувствовал, потому что его голос смягчился.

– Для нее это стало бы таким событием, и для нас тоже.

Но я вернулась к реальной жизни.

– Па, две недели – это долго. Ведь это даже не мой дом.

– Я понимаю. Тебе придется просить Сэма. Мы оплатим расходы и...

– Нет, вопрос не в деньгах, па. – В это время Сэм спустился вниз, обернутый полотенцем, и спросил, почему я разговариваю так долго. Ванна готова. Меня озарило. Я могла бы уговорить его поехать на гольф с Магуайром и другими парнями. – Может, она приедет ко мне на выходные?

– А где она будет остальное время?

– Неужели она не может остаться в Уэльсе? – в отчаянии предприняла я последнюю попытку.

– Да, может, но нам ее жалко, честно говоря, – ответил папа. В его голосе послышалось разочарование.

Я все понимала, но...

– Прости, папа. Я действительно не могу. Если бы я жила в своей квартире...

Он перебил меня.

– Это только отговорки, а не реальная причина, не так ли, Кэти?

Я промолчала.

– Разве не пора тебе взять на себя часть ответственности за твою сестру? Или ты и дальше будешь делать вид, что ее нет? Нельзя же перекладывать все на нас с матерью. Что ты будешь делать, если с нами что-нибудь случится? Ведь тогда тебе придется отвечать за Беллс. Ты вообще когда-нибудь...

– Перестань, папа. О чем ты говоришь? Что с вами случится?

– Если ты не хочешь видеть у себя Беллс, позвони ей и скажи об этом сама, – сказал он дрожащим от гнева голосом.

– Па, что ты имел в виду? – стала допытываться я. – У вас все в порядке, да?

– Я хотел лишь сказать, что мы с матерью не вечные и не всегда сможем заботиться о Беллс. Я не пытаюсь тебя напугать, но ты все-таки подумай об этом.

Но я не хотела думать. Эмма говорила мне почти то же самое. Что я должна чаще видиться с Беллс. «После родителей ты ее ближайшая родственница», – сказала она.

– Кэти?

– Ладно, я возьму ее к себе.

В трубке послышался вздох облегчения.

– Вот и замечательно, спасибо, – сказал папа.

Отчаявшись найти сигареты, я включаю чайник. Потерпит ли Сэм мою сестру две недели? Вряд ли. Если бы это был мой дом, дело другое, рассуждаю я. Господи, кого я обманываю? И все же я очень злюсь на родителей за то, что они поставили меня в такое положение.

Тут две причины, папа. Я должна жить. Я должна заниматься своим бизнесом. Я не могу все бросить ради Беллс, как вы с мамой. Ведь вы всегда этим козыряли.

Я тру лоб, отчаянно стараясь придумать какую-нибудь альтернативу. Может, позвонить тете Агнес? Беллс будет у нее гораздо лучше. Я всегда любила приезжать к ней на каникулы.

Что же мне делать? Как я покажу Беллс моим друзьям? Ив? Сэму?

Порывшись в сумке, я нахожу свой ежедневник с нераспечатанным письмом сестры. Я вскрываю конверт. Адрес, дата и время написаны в правом углу и аккуратно подчеркнуты.

«Моей сестре Кэти Флетчер

Мама с папой едут во Францию и будет очень хорошо если ты позволишь мне пожить у тебя на летних каникулах. Тетя Агнес слишком далеко в Саффолке я не хочу, а жить у Кэти в Лондоне очень приятно. Очень давно я тебя не видела, а Уэльс близко от Лондона.

С любовью, Беллс хохохо»

Я складываю письмо и снова убираю в ежедневник.

Как я могу ей отказать?

3

1982

Мне семь лет. Я любила гостить у тети Агнес, которая жила в Саффолке, у моря. Она пекла лучшие в мире пирожные «Черный лес» со стружкой из настоящего черного шоколада и жарила в глубокой сковороде домашние картофельные чипсы. Она была очень красивая и носила очки на цепочке из маленьких коричневых бусинок, а когда стряпала, надевала длинный клетчатый передник. Она ходила в остроконечных туфлях, словно колдунья из сказки. Еще у нее был игрушечный поезд, в который я играла в ее большом саду.

Ее муж тоже был забавный. Дядя Роджер. Однажды он сел в свое кресло, и оно развалилось под его тяжестью. «Этот дом словно старая леди, – часто говорила тетя Агнес. – Ему требуется чуточку косметической хирургии».

Я была уверена, что в их доме водились привидения. Дядя Роджер клялся мне, что он видел на лестнице возле чердачной двери призрак своего отца. Все лестницы скрипели, даже моя кровать скрипела. Коридоры были темные, в них пахло чем-то старым, и я всегда старалась как можно быстрее промчаться в свою спальню по ним и мимо лестницы с привидением. Однажды я слышала, как дядя Роджер сказал про меня: «Она маленькая девочка, но иногда мне кажется, что это артиллерийский снаряд».

Я жила у тети с дядей, пока мама ждала ребенка. Мама тяжело переносила беременность. У нее было три выкидыша – папа объяснил мне, что это такое, – и во время последней беременности она почти не вставала с постели. Теперь пришло время, чтобы я вернулась домой. «Твоя мама родила девочку, – сообщила мне тетя Агнес. – Ты должна хорошенько помогать маме. Она будет очень уставать». Она не улыбалась и часто поглядывала на дядю Роберта.

Почему она внезапно так притихла? Ведь до этого тетя Агнес все время показывала мне картинки с образцами вязания и спрашивала, стоит ли ей решиться и связать розовые пинетки или еще подождать – вдруг родится мальчик. Каждая ее фраза начиналась либо «Кэти, если у мамы будет девочка...», либо «Я уверена, что будет мальчик; я чувствую это». Даже когда мы ходили в супермаркет «Сэйнсбери», она сказала кассирше, что ждет племянника или племянницу. Когда тетя Агнес была возбуждена или взволнована, она взмахивала руками, а ее ресницы трепетали, будто бабочки. Иногда, в особенно хорошем настроении, она показывала мне язык.

Кассирша, молодая женщина с черными кругами вокруг глаз, равнодушно выслушала ее. Пробив три пачки печенья и несколько пакетиков с кашами быстрого приготовления, она сказала: «Что до меня, то я никогда не выйду замуж и не рожу детей. Мужики хороши только тогда, когда нужно что-нибудь починить».

Тетя Агнес громко смеялась, складывая покупки в сумку. «Эта девушка много потеет, – сказала она мне уже в машине, когда мы ехали домой. – Когда ты вырастешь, Кэти, обещай мне, что у тебя будет куча детей. Наполни ими весь дом. Не будь такой одинокой, как

твой старый дядя Роджер и я». Тетя Агнес не могла иметь детей. Мама с папой объяснили мне, что именно поэтому они отвозили меня к ней на каникулы. Весь вечер мы выбирали имя для него/нее. А теперь тетя Агнес выглядела так, словно не знала, что сказать о новорожденном младенце.

На платформе она обняла меня и сказала, чтобы я была храброй девочкой. Я ничего не понимала. Я всегда ездила в Суффолк одна. Сесть в поезд мне помогал кондуктор, а потом меня встречал папа. Никакой храбрости от меня не требовалось. Поезд, стуча колесами, вез меня к родителям. Я пошла в буфет и купила себе зефирное пирожное с клубничной начинкой и чипсы с сыром и луком. Подкрепляясь этими лакомствами, я пыталась представить себе, как выглядит моя новорожденная сестренка. Походит ли она на меня, когда я была маленькая? Папа рассказывал, что у меня были светлые волосики, большие глаза, белая кожа с ямочками и пухлые ножки. «Ты любила надевать на голову свои штанишки. – Он улыбался. – Как будто это шарфик».

Папа встретил меня на вокзале, как обычно. Он был в очках с темной оправой и казался еще более высоким и худым, чем обычно. У папы рост шесть футов и два дюйма. На нем были грязноватые джинсы, которые он обычно носил дома, и вязаный серый джемпер почти такого же цвета, как его волосы. Он всегда сетовал, что слишком рано поседел. Он взял у меня мой красный блестящий чемоданчик, когда я показывала кондуктору на платформе свой билет. По дороге домой я собиралась задать ему много вопросов о моей сестричке, но тут у меня словно горло перехватило. Мы ехали домой молча. Папа даже не включил радио, чтобы послушать новости. А он всегда любил слушать новости. Потом папа сказал: «Мама устала» – и велел мне быть хорошей девочкой. Его руки сжимали рулевое колесо с такой силой, что побелели суставы.

«Мы приехали», – громко крикнул папа. Мы молча поднялись наверх.

Мама сидела в кресле, одетая в старый стеганный халат. Папа часто порывался купить ей новый, но она не соглашалась. «Он для меня словно комфортная еда, – поясняла она. – Словно горячий карамельный пудинг». Я поцеловала ее в щеку, но она не пошевелилась. Она сидела неподвижно, как сидит бабушка в своем кресле, когда приезжает в гости. Ее глаза покраснели и опухли, как будто от слез. Что случилось? Ведь мама должна радоваться! Но вместо этого она выглядела съезжившейся и постаревшей, а ее щеки были холодными и сухими.

В середине комнаты стояла кровать. Она показалась мне одинокой. В ней было тихо. Мама посмотрела на папу, а он, кажется, дал ей тайком какой-то знак.

– Прежде чем ты согласишься на свою новорожденную сестренку... – медленно проговорил папа. Теперь я точно знала, что что-то не так, и мне стало страшно. Я подошла к кровати и заглянула в нее.

4

– Ты действительно думала, что сможешь вечно держать это в секрете? – удивляется Эмма, перемалывая перец для нашего хумуса. Каждый вторник мы с Эммой ходим на йогу, а потом вместе ужинаем. Сэм играет в покер с Магуайром и еще несколькими коллегами.

Эмма всегда наклоняет набок голову, когда задает вопрос, – она делает так и когда смотрит телевизор, но при этом еще морщит лоб. Мы с Эммой знаем друг про друга почти все. Когда-то она жила рядом с нами. Мы вместе ходили в школу и на уроки балета, пока Эмма не заявила, что у нее слишком «крупные кости», чтобы успешно крутить пируэты. Сейчас она высокая и гибкая, но в детстве ее фигурка, по выражению папы, напоминала куропатку. Она таскала из картонной коробки, стоявшей у них на кухне, пакеты с чипсами и ела их в углу сада. А я, наоборот, была худенькая, и учителя часто допытывались у меня, нормально ли я ем.

Дома мы с ней любили наряжаться. Надевали старые мамины шубки и шпильки и отправлялись в магазин вместе с Пегги, маминой собакой. Пегги никогда не хотела идти со мной, упиралась, и мне приходилось тащить ее за собой на поводке. Много времени я проводила у Эммы дома. Когда у нас возникали проблемы или если мама с папой навещали Беллс в больнице, я ночевала у Эммы. Их дом был для меня почти родным. Эмма – единственная, с кем я могу говорить о Беллс, потому что она росла вместе с нами.

На лице Эммы появляется профессиональное выражение, от которого мне делается не по себе. Конечно, а как иначе?

– Если серьезно, то я знала, что Сэм увидит ее рано или поздно, – отвечаю я наконец.

– Ты серьезно? – Она макает питу в хумус.

– Да, пожалуй.

Эмма рассеянно крутит свою темно-каштановую прядь волос, сверля меня взглядом.

– Тогда это удобная возможность сказать ему про нее. Тебя ведь надо было подтолкнуть к этому. Иначе когда еще ты это сделаешь?

– Я никогда не собиралась делать из Беллс секрета, – возражаю я. – Он знает, что у меня есть сестра. Просто я почти ничего не рассказывала про нее, вот и все. Как-то речь не заходила.

– Ты ведь стесняешься ее, верно?

– Ничего я не стесняюсь, – огрызаюсь я, чувствуя себя беззащитной перед ней, словно она снимает с меня один за другим все мои защитные слои.

– Подумай сама: чем дольше ты будешь умалчивать о Беллс, тем труднее будет тебе при случае небрежно сообщить о ней. Не так ли?

– Сэму не свойственно любопытство. Мы вообще не говорим о наших семьях.

За все месяцы общения с Сэмом я узнала от него лишь крохи информации о его родителях. Его отец в молодости работал за границей. «Мы с матерью нормально жили, – заявил он, когда я спросила, скучал ли он без отца. – Даже прекрасно. Когда отец уехал, мама радовалась. Ей не надо было носить в чистку его одежду или ставить на стол ровно в семь вечера его чертов ужин. Она могла видаться с подругами. Брала меня на все вечеринки, – засмеялся он. – Да, мы с мамой жили великолепно. Все получилось к лучшему».

Сэм не любит рассказывать про свои неприятности или обиды. И это его положительная черта: он не злопамятен и никогда не жалуется. «Жизнь предназначена для жизни, Кэти, а не для размышлений над ней», – говорит он всегда.

На самом деле, конечно, все не так просто, как изображает Сэм. И все же я никогда не чувствовала, что могу рассказать ему про мою семью, про то, как я практически перестала общаться с мамой после рождения Беллс и как страдала от этого. Впрочем, Сэм ничего и не спрашивал. Вот почему мне нравилось быть рядом с ним. Мне не нужно ничего ему объяснять. Я могу быть такой, какой мне хочется.

– Ешь. – Эмма подвигает ко мне тарелки с хумусом и питой. – Ты даже не притронулась ни к чему.

Я равнодушно смотрю на еду.

– Я не голодная. – Вместо этого я наливаю себе еще бокал вина.

– По-моему, ты слишком драматизируешь ситуацию, – произносит она. – Знаешь, ты не единственная, кто сталкивался с подобными вещами. Мой отец вел себя точно так же с мамой.

– Неужели? – я удивляюсь.

– Да, – кивает Эмма. – Он не знакомил ее со своим братом. Ты помнишь дядю Спенсера? У него были большие уши, он скверно играл на пианино, гонял на мотоцикле и носил нелепые коричневые рубашки и бордовые галстуки.

– Конечно, помню, – улыбаюсь я. – Он мог сказать тебе по дате рождения, в какой день недели ты родилась. Мне нравилась та игра. Я родилась в пятницу. Я всегда мечтала, чтобы он ошибся хотя бы на день, но он угадывал все без осечки. Еще помню, как он мучительно плохо играл «К Элизе». – Я усмехаюсь. – Особенно ясно это проявлялось на Рождество, когда добавлялись еще несколько гимнов. А гимн «Слушайте! Ангелы поют» был вообще катастрофой.

– Точно. – Эмма смеется. – Он удивительный, но живет на другой планете. Папа боялся, что мама отменит помолвку, если его увидит. Поэтому он проявлял изворотливость и устраивал так, чтобы мамины визиты никогда не совпадали с приездом дяди Спенсера. Родители крутили любовь восемь месяцев, были помолвлены, и мама встретила с дядей Спенсером впервые в день свадьбы.

– И он был в каком-нибудь из своих нелепых костюмов? – На какой-то миг я забываю свою собственную дилемму и наслаждаюсь миром дяди Спенсера.

– Нет, еще хуже, он примчался на своем мотоцикле в черной рубашке с золотым тигром. – Она морщит нос. – Тотальная нелепость, но она никого не удивила.

– Ну вот! – Я еще подливаю себе вина. – Значит, твой папа понял бы меня. Вот и тебе надо понять.

– Я понимаю, понимаю. Но я спросила у мамы, была бы для нее разница, если бы она встретила дядю Спенсера до свадьбы, и она ответила, что нет. К тому времени она уже сделала свой выбор. Она все равно вышла бы за папу. А он, дурачок, зря волновался. Мама обожала дядю Спенсера. И все мы тоже. Он клевый. А вот его сестру Эстер она считала скучной и ограниченной.

– Эмс, я поняла, что ты имеешь в виду. Мне просто кажется, что Сэм должен серьезно, именно серьезно, – для убедительности я округляю глаза, – полюбить меня, прежде чем я познакомлю его с Беллс. Мы вместе всего девять месяцев, и они были фантастически хорошими. Я счастлива. И не хочу рисковать. Я боюсь, что Беллс встретит его и врежет ему по яйцам.

Лицо Эммы расплывается в улыбке.

– Но ведь она больше так не делает, верно?

В школьные годы мы с Эммой встречались с мальчишками во время ланча и неуклюже целовались с ними за школьной оградой. Помню, мне нравились два мальчика, Тоби и Бен, и я не могла выбрать, кому из них отдать предпочтение. Тогда я решила подвергнуть их «тесту Беллс». До этого с Беллс встречались другие мальчишки и в десяти случаях из десяти покидали наш дом с клятвенным обещанием никогда сюда не возвращаться. Поначалу я была просто убита этим, но потом решила повернуть ситуацию вспять. Ведь должен же найтись мальчишка, который пройдет это испытание!

Первым я пригласила домой Тоби и наблюдала, как Беллс налетела на него и ударила в пах. Вы спросите, в чем тут юмор. Мне было забавно наблюдать за его реакцией. Когда Беллс двинула Тоби, я видела, как он сморщился от боли и схватился за яйца. Но тут же сделал вид, что ничего не произошло, и спросил у меня, угощу ли я его чаем. Беллс завывала от смеха, и Тоби сообщил тогда, что он совсем забыл, что его мама велела ему вернуться домой к чаю.

Бен действовал по-другому. Он перехватил атаку Беллс и остановил ее. Ей это понравилось, и она потом часто спрашивала, когда он придет снова. И Бен действительно приходил! Он, по крайней мере, оказался на высоте. Неужели я боюсь, что Сэм проявит слабость?

– Ладно тебе, брось! Тогда нам было сколько? Четырнадцать? Пятнадцать? – усмехается Эмма.

– И мы вспоминаем о Тоби, уроде, который носил узкие кожаные пиджаки и делал вид, что сидит в «Гриз», и о Бене, рисовавшем фаллосы на коробках карандашей. Какая потеря! – смеюсь я.

– Белл оказала тебе добрую услугу.

– Знаю, – соглашаюсь я. – Но Эмма, речь идет о целых двух неделях. Не о нескольких днях на выходные, а о двух неделях.

Эмма качает головой.

– Кэти, это смешно. Беллс твоя сестра, хотя и своеобразная, но что с того? Ей хочется, чтобы ты была частью ее жизни. Это тебя так пугает? Вот сегодня вечером у меня на приеме была юная девушка из распавшейся семьи, с суицидальными... – Эмма резко замолкает, ведь информация о пациентах строго конфиденциальна. – Постарайся взглянуть на все объективно.

Официант уносит наши тарелки.

– Ты права. – Я пристыженно опускаю голову. – Прости, Эмма, у тебя на работе иногда бывают тяжелые моменты.

Она пожимает плечами.

– Беллс как-то живет с этим. Чего и тебе желаю. Когда ты видела ее в последний раз? Не мимоходом, а нормально?

– На прошлое Рождество. Я на два дня приезжала домой.

– Заранее никогда не угадаешь. Возможно, тебе понравится ее общество. Ситуация часто испытывает нас, – продолжает Эмма. – Жизнь всегда полна неожиданностей и никогда не бывает ровной.

После этих ее слов мне хочется спросить Эмму: «А какие испытания были у тебя?» Жизнь Эммы проходила гладко. Она ладила со своей семьей, брат был ее лучшим другом, в родителях она души не чаяла, Джонни ее обожал, они были созданы друг для друга, и теперь на ее пальце сверкал огромный бриллиант.

– Кэти, ты редко видишься с мамой. Когда-нибудь ты, возможно, пожалеешь об этом. – Эмма замолкает, ожидая моего ответа. – Что-то не так? Может, там дело в чем-то другом? – начинает допытываться она.

Я рассказываю Эмме о моей беседе с папой.

– Все слишком внезапно, вот и все. Не утаивает ли он от меня что-нибудь?

– Твой папа не станет тебе лгать, – убежденно заявляет Эмма. – Послушай, мне кажется, что они лишь хотят от тебя, чтобы ты больше общалась с Беллс.

– Мама даже не позвонила мне, не поинтересовалась, как прошло мое шоу, – вздыхаю я.

– Допустим, что она вообще не знала о нем. Ты пригласила ее? – Эмма явно начинает терять терпение.

– Ну-у... нет. Да ладно. – Я машу рукой. – Я все понимаю. Мне почти тридцать, не шестнадцать. У меня вообще не должно быть таких проблем. – Я откидываюсь на спинку стула и стараюсь расслабиться. – Надо было сразу сказать Сэму про Беллс; тогда все было бы намного проще.

– Скажи ему, что к тебе приедет сестра. Опиши ее, чтобы он не был слишком удивлен, и я ручаюсь, что все будет нормально.

– Но...

– Никаких но.

– Да, но что, если...

– Никаких но. Да, конечно, мне легко тут сидеть и давать тебе советы. – Она словно прочитала мои мысли. – Но ты скажи Сэму прямо сегодня. Больше не откладывай. Он не злодей, не чудовище. Он твой бойфренд. Я говорю Джонни все; он обидится, если я что-то утаю от него. Разве мы не ждем от наших мужчин поддержки? Разве не ради этого стремимся к прочным отношениям?

– Да.

– Вот и скажи ему, – уверяет она. – Что ты теряешь?

5

1982

– Кэти, – строго сказал папа, – не огорчай маму.

Я не удержалась. Я еще раз заглянула в кроватку.

– Почему она такая? – Я повернулась к маме и папе. – Почему у моей сестры нет носа? Почему у нее дырка между носом и губой?

Мама уже плакала, а папа сел возле нее на корточки и ласково гладил ее руку.

– Почему она такая... странная? – снова спросила я. Больше я не заглядывала в кроватку. Мне было страшно.

– Кэти, – начал папа, – вот такой она родилась. К сожалению, не всем детям везет, не все рождаются здоровыми.

– Почему?

Папа снял очки и вытер глаза.

– Потому. Теперь мы должны помочь ей. Мы покажем твою сестренку доктору, и он исправит ей лицо. Все будет хорошо. Мы...

– Перестань! – зарыдала мама. – Ничего не будет хорошо. Как мы справимся?

– У нас все получится. Мы приложим все силы, – заверил ее папа. – Кэти поможет нам, правда, дочка? – Он взглянул на меня, словно говоря: «Не стой так, подойди и обними маму».

Может, это имела в виду тетя Агнес, когда говорила о храбрости? Я подошла к маме и обхватила ее руками.

Приехал доктор. Я стояла на кухне за дверью и подслушивала.

– У нас великолепная команда специалистов по челюстно-лицевым проблемам. У них очень большой опыт в лечении детей с врожденной расщелиной нёба или губы, – говорил доктор. – Такая проблема бывает у каждого семисотого новорожденного. Мы также обратимся за консультацией к пластическому хирургу и с его помощью проведем восстановительные хирургические процедуры. После серии операций мы восстановим губу и нёбо вашей дочери.

– Когда начнем? – спросил папа.

– Еще в младенчестве. Но она должна немного подрасти, чтобы легче переносить хирургическую операцию.

– Я не понимаю, почему так получилось. Во время беременности я чувствовала себя неплохо. Много отдыхала. Что же я делала неправильно? – взмолилась мама, пытаясь найти объяснение.

– Твоей вины тут нет, – сказал ей папа.

Доктор согласился с ним.

– Причины нам неизвестны. В вашей семье были подобные случаи? Вам известно о них?

– Кажется, нет. Но я была уверена, что все делаю правильно, – твердила свое мама. – Но мне надо было сделать УЗИ. Мне надо было...

– Перестань! – Папа повысил голос. – Хватит винить себя.

– Специалисты все сделают. Я понимаю, что с этим трудно мириться, но у нас очень большой опыт в этой области. – Доктор кашлянул. Молчание затянулось, и оно показалось мне ужасным. Наконец он добавил: – Но я боюсь, что тут будет еще одна проблема. У нее может быть поврежден мозг, но в какой степени, пока мы еще не знаем.

– Поврежден мозг? – еле слышно повторила мама.

– Да. Мы проведем тесты, но она...

– Ее зовут Изабель, – сказал папа дрожащим голосом. – Нам всегда нравилось это имя.

– Изабель, да. Приятное имя. У вас ведь есть еще одна дочка, правильно? – осведомился доктор.

– Да, Кэти. А что?

– Пока ничего определенного, но вам может понадобиться помощь. Изабель будет нуждаться в постоянном внимании.

Бедная мама. Как это несправедливо. Я хочу ей помогать. Позвольте мне это делать.

– Все будет нормально, – ласково сказал ей папа. – Мы вместе будем ее растить.

Я услышала, как доктор поднялся со стула и стал прощаться. Я отскочила от двери и побежала наверх.

Мама не пришла ко мне, чтобы сказать «спокойной ночи», как делала это всегда. Вместо нее пришел папа. Моя спальня показалась мне темной и холодной. Я чувствовала себя очень одинокой, когда слышала его тяжелые шаги, удалявшиеся от меня.

6

Я загляделась на фото Сэма в серебряной рамке. Он в белой хлопковой рубашке, которую я купила ему ко дню рождения, солнцезащитные очки надо лбом. Сэм настоящий красавец, и он знает это. Его лицо очень симметрично, кроме одной ноздри, – она чуть меньше другой. Сэм винит в этом мать, которая курила во время своей беременности. «Как только отец отлучался из дома, она дымила как паровоз. Цigarка в одной руке, водка в другой». Еще он переживает из-за того, что лысеет – линия волос на лбу постепенно отступает. Но я утешаю его, говоря что высокий лоб придает ему большую значительность. Даже благородство. По его словам, из-за этого он все больше становился похож на своего отца, особенно если сильно взъерошит свою шевелюру.

Я так и не сказала ему про Беллс. Отложила это на неделю. И вот завтра ее поезд прибывает в Паддингтон. Не знаю, почему мне кажется, что проблема рассосется сама собой, если не говорить о ней.

Звонит телефон – это папа. Они уезжают на следующий день. «У кого вы остановитесь во Франции?» – спрашиваю я.

– Нас пригласили Уолтеры.

Фамилия ничего мне не говорит.

– Кто это?

– Давнишние друзья. Мы когда-то вместе работали в Сотбис.

– Я их не помню.

– Она уехали во Францию, когда тебе было года два. – Папа быстро меняет тему. – У тебя есть номер моего мобильного.

– Ты дашь мне телефон Уоллеров?

– Уолтеров.

– Ну да. Ты дашь мне их номер?

– Тебе он не нужен.

– Знаешь, на всякий случай.

– Мы будем звонить тебе.

– По-моему, мне лучше знать этот номер.

– Звони нам на мобильный.

– А если какая-то чрезвычайная ситуация?

– Ее не будет.

– Почему ты отказываешься дать мне их номер?

– Дорогая моя, – медленно произносит папа, – будет проще, если ты позвонишь нам на мобильный. Так ты свяжешься с нами в любое время.

Я неохотно соглашаюсь с этим аргументом.

– Только не забывайте его включать, – предупреждаю я.

Папа всегда говорил, что покупает мобильный «только для чрезвычайных ситуаций», но никак не может понять, что он бесполезен в такой ситуации, если выключен.

– Дорогая, мне пора идти. Поблаговари от нас Сэма, хорошо?

Я кладу трубку с тяжелым сердцем. Вечером мне предстоит рассказать Сэму про Беллс. Я раньше обычного звоню ему из своего бутика и прошу, чтобы он не засиживался сегодня вечером на работе и что я приготовлю сегодня его любимое блюдо – стейк с домашними картофельными чипсами, совсем как тетя Агнес. И даже побалую его десертом: апельсиновым мороженым под соусом из темного шоколада по рецепту его матери.

– Не уверен, дорогая, что я смогу уйти раньше. Загруженный день, – отвечает он.

– Но я не видела тебя всю неделю.

Он задумчиво молчит.

– Кэти, чем я заслужил такую милость? – Я слышу, как он крутнулся в своем кресле. – Ты что, чувствуешь себя виноватой за то, что трахалась с кем-то за моей спиной? – И он хохочет, словно сама идея о том, что его кто-то обманывает, абсурдна. У Сэма такое самонадеянное мнение, что хоть разливай по бутылкам и продавай по всему миру. Но как раз это я и считаю в нем наиболее привлекательным. Мне всегда казалось, что я полюблю какого-нибудь ученого или писателя. Мой последний бойфренд был композитором, который ездил по разным странам и писал саундтреки к телефильмам и телешоу. Я видела его очень редко, поэтому у нас все и закончилось. Я знала, что такие отношения ни к чему не приводят. Но все же я никогда не думала, что стану встречаться с таким парнем, как Сэм. И вообще, мне нравится Саймон Коуэлл, и этим все сказано.

Я раздвигаю дверцы нашего гардероба. Одежда аккуратно сложена на полках. Что мне надеть? Выбираю темно-красный кружевной топ с бархатной окантовкой по горлу. Под него пойдет черный кружевной бюстгальтер. Ну а еще надена джинсы с черными сапожками. Сэму они нравятся. Я стягиваю с себя устрично-серую блузку и швыряю в бельевую корзину; расстегиваю юбку и гляжу на себя в большое зеркало. Мои волосы, окрашенные теперь в мой натуральный темно-каштановый цвет, обрамляют лицо. Они уже довольно длинные, и обычно я закалываю их на затылке. Волосы у меня тонкие, отцовские. Вообще, я многое унаследовала от папы: длинный, как у всех Флетчеров, нос, большой рот и ямочку.

В ванной я открываю один из зеркальных шкафчиков и нахожу ватные диски и лосьон для снятия макияжа. Сэм приходит в ярость, если я оставляю в ванной зубную пасту или ватные диски – все должно быть аккуратно убрано в зеркальные шкафы. Мне нравится его опрятность. Если бы не он, здесь все было бы перевернуто вверх дном.

Я стираю с лица дневную косметику. От мамы мне достались веснушки на носу и щеках и зеленые глаза. Папа часто говорил, что он сразу влюбился в ее глаза. Они были оливкового цвета, а папа любил оливки. Когда я познакомилась с Сэмом, он сказал, что мои глаза так и манят лечь со мной в постель. Вот он увидит глаза Беллс, они еще красивее. В них живая зелень и совсем нет серого цвета. Я сажусь на край ванны и пускаю воду, затем добавляю в нее мерку масла нероли и наконец погружаюсь в ароматную воду. День был долгим. Вечер тоже пройдет нормально. Сэм не рассердится на меня из-за Беллс, и все будет хорошо. Так, уже в сотый раз, я начинаю уговаривать себя.

Я накрываю на стол, положив возле каждой тарелки новые салфетки, которые я сделала из муслина. Моя мама умеет сворачивать салфетки в форме лилий. В детстве я пыталась подражать ей. Сейчас я просто сложила мою салфетку пополам. После этого я открываю холодильник и наливаю себе второй бокал белого вина. Сэм придет с минуты на минуту. Я слышу, как в двери поворачивается ключ, и внутри меня что-то обрывается. Я делаю глубокий вдох и вспоминаю совет Эммы ничего не утаивать.

– Привет, милый, – кричу я. Пахнет ароматическими свечами и картофелем, обжаренным на золотистом масле. Тихо звучит музыка.

Сэм входит на кухню, протягивает мне букет из красных и оранжевых тюльпанов. Я благодарю его поцелуем, а он обнимает меня за талию.

– Китти-кинс. – Он трется носом о мой нос. – Я большой счастливчик. Я мчался домой. Не слишком я опоздал, а?

– Ты все превосходно рассчитал. Как прошел день? Хорошо?

– На рынках был великолепный день. Просто сказочный. Трам-бэм-бэм, благодарю вас, мэм. – Он подмигивает. – Теперь я целиком в твоём распоряжении.

– Блестяще, Сэм. – Когда он приезжал домой и радостно сообщал об удачной сделке, раньше я пыталась расспрашивать его о деталях, но он всегда отмахивался, мол, топ-секрет, детка, конфиденциальные дела, и стучал пальцем себе по носу. Поэтому теперь я редко пристаю к нему с расспросами, только восхищенно улыбаюсь и качаю головой.

– Сказочные ароматы. Я умираю с голода.

– Садись. – Я подвигаю к нему стул. – Тебе нужно расслабиться.

– Ты подлизываешься? Готовишь меня к чему-то? – бормочет Сэм, млея от удовольствия, когда я начинаю массировать его плечи.

– Разве девочка не может побаловать своего мальчика просто так? – Я провожу ладонью по его спине. – Вот так. Что ты выпьешь? Пива или вина?

Мы доедаем первое блюдо. Что со мной? Почему я опять смалодушничала? Я снова ничего не сказала про Беллс. Вместо этого выслушала рассказ Сэма, что Магуайр купил «Мини-Купер» и планирует прокатиться на выходных; не возражаю ли я, если он тоже поедет?

Он протягивает руку через стол и гладит меня по щеке.

– Хватит обо мне. Как там поживает старая жаба в углу? Она появлялась у тебя в последние дни?

– Увы, не появлялась. – Вместо Беллс я рассказываю ему про Ив.

– Ей надо быть размером со слона, а не с мышку, – смеется он.

Я открываю холодильник и обещаю себе, что вот поставлю на стол десерт и тогда что-нибудь скажу. Ведь не так трудно сказать примерно так: «Сэм, завтра приедет моя сестра, ты не возражаешь? Она не совсем такая, как ты ожидаешь, возможно, ты будешь чуточку удивлен...» Но тогда я его напугаю, верно?

Я ставлю десерт на стол. Сэм поглаживает живот и улыбается.

– Смотри, избалуешь меня. Вот я привыкну к такой роскоши, и тогда...

– Сэм, мне нужно тебе... ой, господи! Это *те самые* часы? – Я смотрю на его руку. – Ты все-таки их купил?

– Угу. – Сияя, он трясет передо мной своим запястьем. Несколько месяцев он твердил про эти часы «экстрим». Особая модель с электронным устройством; с его помощью владелец часов мог вызывать спасателей в момент чрезвычайной ситуации. Один из его друзей работал в рекламе, и его компания участвовала в продвижении этих часов. Мы с Сэмом были в восторге, когда на презентации встретились с актером Пирсом Броснаном.

– Знаешь, я мог бы купить одни. А то вдруг попаду в лавину, – на полном серьезе сказал Сэм своему коллеге Тиму.

– Да, да, да. Абсолютно, дружище, – ответил Тим.

– Или если ты перевернешься в каноэ где-нибудь на бурном перекате? – поддержала я Сэма, стараясь не смеяться. Я не стала напоминать Сэму, что он и рядом не стоял с экстремалами и что чрезвычайные ситуации ему не грозят. Разве что он упадет в яму во время игры в гольф.

И вот он с гордостью смотрит на свои часы.

– Если ты случайно нажмешь на «вызов», тебя оштрафуют на тысячи фунтов. Так что будь осторожной, Кэти, *capisce*? Да, так что ты хотела мне сказать? – Он нарезает ломтиками

апельсиновый десерт, по краям которого выступают сливки и образуют причудливые узоры с шоколадным соусом.

– Мне надо было раньше спросить тебя об этом. Просто завтра в Лондон приедет моя сестра.

– Правда? – Он съедает ложку десерта и стонет от удовольствия. – *Delizioso*. Ты что, брала тайком уроки кулинарии?

– Я надеялась, что она сможет пожить у нас. Моя сестра. Изабель. Ты не против?

– Конечно, нет. А долго?

– Две недели.

– Ладно. – Сэм выглядит задумчивым, он явно удивлен, почему так долго. – Нет, все ОК, не вижу причин отказать тебе. Изабель моложе тебя, верно? Я могу познакомить ее с Магуайром, ему нужна подруга.

– Но ведь он был с новой «леди» совсем недавно.

– Это не в счет. Магуайр любит кратко и сладко. Значит, Изабель приедет на две недели? Прекрасно. Заметано.

– Сэм! Не говори штампами. Если Магуайр и дальше будет так себя вести, он превратится в унылого старого холостяка, – добавляю я.

– Она походит на тебя? – интересуется он. – Только моложе и без морщин?

– Сэм! – восклицаю я с досадой. – Тебе важно только это? Внешность?

– Угу. Ну ведь приятно, если перед тобой не серая мышь. Да ладно тебе, девчонки думают то же самое. Только парни честнее, вот и все. Ты запала бы на меня, если бы я был страшный как смертный грех?

Я беру тарелку и подхожу к раковине.

Он поднимает руки, как бы извиняясь.

– Сколько же ей лет?

– Двадцать два. – Я сажусь и смотрю на свечу, которую зажгла с такими надеждами. Десерт съеден, а я все еще не сказала ему всю правду. Когда свеча догорит, Сэм будет знать все про Беллс, клянусь я себе.

– Чем же она занимается? Эротическими танцами?

– Ох, Сэм! – Я вздыхаю.

– Не говори мне... она работает на МИ-5 или что-нибудь не менее восхитительное? Seriously, почему бы мне не пригласить Магуайра на вечер, чтобы они познакомились?

Билл Магуайр. Высокий, волосы цвета яичного желтка и такие же брови и ресницы. Всегда носит кожаный пиджак. Хищник, когда речь идет о женщинах; любит грязные шутки.

– Хм, не думаю. Ну то есть Билл замечательный, но...

– Она ведь не замужем, верно?

Я киваю.

– Сэм, я должна рассказать тебе про нее вот что. – Я перевожу взгляд на свечу, на ее пламя, сияющее в темноте.

Сэм подходит ко мне.

– Я жду встречи с ней, детка. Хватит беспокоиться. Ты сама себе создаешь стрессы.

Он целует меня в шею, потом встает передо мной на колени и кладет руки мне на бедра. Я знаю, что будет дальше. Он пропоет начало песни Криса де Бурга «Леди в красном» «Я никогда не видел тебя такой красивой...», потому что знает, что это меня рассмешит. Мы дразнили Эмму за ее пристрастие к Крису де Бургу, вот как это началось. Вообще-то у нас тоже есть его диск, но это наш маленький секрет.

Сэм поднимает меня на ноги. Мы любим танцевать в кухне. Это наши минуты, только Сэм и я. Он кружит меня, что-то нежно напевая мне в ухо. Мы смеемся.

Почему моя семья не такая, как все? – думаю я с досадой. Разве не чудесно было бы сказать: «Моя сестра юрист»? Или архитектор, философ, психолог, художница, писательница, парикмахерша, повар, сиделка, да кто угодно. Почему мы не можем быть нормальными, как любая другая семья? Почему я так переживаю из-за этого? Ведь я должна была бы давно с этим смириться. Неужели я не готова сказать об этом Сэму? Как говорит Эмма, если у нас серьезные отношения...

Наконец мы перестаем танцевать.

– Спасибо за прелестный вечер, Кэти. – Он берет мою руку и ласково целует по очереди каждый палец.

Я не хочу ничего ему говорить. Мне кажется, что время для этого не подходящее. Он сам увидит завтра Беллс.

7

1984

Я шла по школьной площадке и увидела за железными воротами маму. Она стояла отдельно от кучки родителей. С ней была Беллс в прогулочной коляске. Что тут делала мама? В моей груди забурлила смесь гнева и паники. Мама никогда не встречала меня после школы. Обычно я шла до углового магазинчика мистера Стаббингтона, покупала фруктовое мороженое и зефир, потом шла домой с Эммой, моей соседкой. Я пила у них чай, потому что там было приятнее. Они зажигали газ, и мы поджаривали на нем наш зефир.

Мама была в грязном фартуке с пятнами краски и масла, ее ярко-красные башмаки были похожи на сабо, рыжеватые волосы убраны под хлопковый шарф. Другие родительницы носили длинные юбки цвета морской волны и блузки с жемчугом, а их завитые волосы шапкой обрамляли голову. Почему же моя мама выглядела не так, как все? Зачем она приехала сюда Беллс?

– Кэти, ты почему остановилась? – нетерпеливо спросила Эмма. – Я хочу есть. Пойдем.

– Тут мама, с Беллс. – Я схватила ее за руку.

– Ну и что? – удивилась Эмма.

Я не говорила про Беллс никому в классе: они бы не поняли. Эмма единственная видела ее с самого начала. Лицо Беллс выглядело очень странно. А мои одноклассники смеялись над всем, что считали странным. Миссис Хигсон, одна из родительниц, стоявших у ворот, была такая толстая, что ее прозвали «миссис Слоновые Ноги». Видела ли меня мама? Я нырнула за уличный туалет для мальчишек, но долго там не простояла – едва не задохнулась из-за вони. Я с досадой подумала, что мамин голос звучал громче всех. Я не сомневалась, что она делала это нарочно.

– Иди, – сказала я Эмме, махнув ей рукой. – Скажи маме, что я задержалась в классе. Ну скажи ей что-нибудь!

Я слышала, как расходились родительницы, урчали моторы, скрипели детские коляски, тявкали собаки. Я ждала, крепко зажав нос.

– Хелло, – услышала я мамин голос (мама старалась говорить дружелюбно). – Не пугайся, она тебя не укусит. Ее имя Изабель. Мы зовем ее Беллс.

С кем говорила мама? Я высунула голову из-за стены. Возле мамы стоял Имоджен со своей матерью, он был младше меня на год.

– Почему она такая? – спросил Имоджен, не в силах оторвать взгляд от ребенка в коляске. – Почему у нее такая большая дырка на лице?

– Имоджен, ты ведешь себя неприлично, – сказала его мать, покраснев. – Важно не лицо, а душа, правда? – обратилась она к маме.

Мама ничего не ответила.

Имоджен так и стоял, приросший к месту, будто манекен в универмаге. Мне хотелось крикнуть ему – «отвали!». Потом его мать потащила его прочь.

Я ждала, когда все разойдутся и можно будет безопасно выйти из моего укрытия. Минут через десять я высунула голову из-за стены. Мама наклонилась к Беллс и разговаривала с ней. Я сделала бросок к дорожке и пошла по ней уже не спеша, словно только что вышла из школы.

– Мне безразлично, что все говорят, – услышала я. – Ты моя маленькая красавица, мама любит тебя, у нас все хорошо, правда?

– Привет, мам. Мне надо было убрать краски и все другое, – пробормотала я.

Мама с подозрением взглянула на меня.

– Эмма сказала, что ты показывала учительнице свою вышивку.

Мы пошли домой. Я понуро плелась рядом с мамой. Коляска стучала колесами по тротуару.

– Тебе так интересно разглядывать свои ноги? – спросила мама.

– Не-е.

– Мне сегодня был звонок, – сказала мама. – От миссис Стаббингтон.

Я похолодела.

– Кэти, мне стыдно за тебя. Я разрешила тебе возвращаться домой самостоятельно, потому что считаю тебя достаточно большой. И тут я узнала, что ты заходила в этот магазин и взяла там деньги из чулка для пожертвований. Что с тобой творится в последнее время? – Мама повернулась ко мне, требуя объяснения.

Мистер Стаббингтон запретил мне приходить в его магазин целую неделю, потому что застал меня за попыткой украсть деньги, предназначенные для благотворительного фонда. В основном там лежали монеты по один-два пенса, но сквозь тонкую ткань чулка соблазнительно сверкали серебряные и золотые монеты. Когда мистер Стаббингтон отвернулся и накладывал яблоки в бумажный пакет, я не выдержала, сунула туда руку и попыталась добраться до монеты в пятьдесят пенсов. Увидев, что я делаю, он погрозил мне пальцем и сказал, что эти деньги будут потрачены на помощь старикам.

В общем, никакого объяснения у меня не было.

– Если ты не пообещаешь мне, что больше не будешь воровать деньги, я буду забирать тебя из школы каждый день, – пригрозила мама.

Я не поднимала глаз.

– Вместе с Беллс, – добавила она.

Неужели она читала мои мысли?

– Мам, я обещаю, что больше не буду.

Нам навстречу шли две девочки. Они остановились и разинули рот, когда увидели Беллс.

– Что такое у этого? – спросила одна из них. Я старательно разглядывала трещину на тротуаре. Если я наступлю на нее, мне не будет везти.

– «Этот» – моя дочка Изабель. Она родилась с расщелиной в твердом и мягком небе, и ваши вопросы ей не помогут, – ответила мама, провозя мимо них коляску. Я искоса взглянула на девчонок. Они так и стояли, широко разинув рты.

– Что такое расщелина в небе? – спросила одна у другой.

– Прости меня, ма.

– Ладно. Только, Кэти, пожалуйста, больше не воруй. У меня и так много дел. Мне некогда следить еще и за тобой.

После этого мы спокойно пошли домой.

– Привет, Беллс, – сказала я, зайдя в дом, и погладила ее по голове. – Сегодня я принесу тебе чай, – сообщила я маме, потому что знала, как она устает. Еще мне нравилось делать пюре для Беллс. Я привезла ее на кухню.

– Как ты себя чувствуешь сегодня? – спросила я у мамы. Чувство вины жгло меня изнутри.

8

– Я встречу вас на вокзале, – предлагает Сэм, откусывая тост с мармеладом. – Во сколько прибудет поезд?

– Не беспокойся, мы увидимся с тобой дома. – Не знаю, почему я решаю, что меня как-то выручит такая небольшая отсрочка. Бомба все равно взорвется рано или поздно.

– Знаешь, я действительно жду, когда увижу твою сестру. Честно признаться, сначала я был в некотором ужасе, но теперь мне стало интересно взглянуть на вторую представительницу Флетчеров.

– Сэм, она совершенно другая. – Я понимаю, что теперь самый момент сказать ему. – Я еще не все рассказала тебе о ней. Когда она родилась...

Неожиданно раздается звон его мобильного.

– Подожди секунду, – он отвечает на звонок. – Угу, уже выезжаю, Магуайр. Нет, я не согласен. Ты посмотри получше. – Он заканчивает разговор.

– Сэм, мы можем поговорить? – спрашиваю я, когда он убрал телефон в карман.

Он морщится.

– Давай отложим разговор до вечера! Я опаздываю. – Он чмокает меня в губы и открывает дверь. – Да, кстати, какие планы на *ce soir*? Потому что я подумал, что мы с тобой, несколько моих друзей, – он подмигивает мне, – покажем твоей сестре ночную жизнь Лондона, ну и потанцуем где-нибудь.

Я не выдерживаю. Вероятно, в эти минуты у меня появляется несколько седых волос и начинает сильно болеть голова. Ох, надо было давным-давно сказать Сэму всю правду. Но если я не скажу ему все прямо сейчас, потом будет взрыв.

– Сэм, Изабель совсем не такая, как ты думаешь.

– Что? – удивляется он. – Как это не такая?

– Она родилась с расщелиной нёба и верхней губы. Это довольно распространенная патология, – добавляю я, увидев тревогу на его лице. – Но у Изабель все осложнилось еще и тем, что у нее от рождения поврежден мозг. Она живет в пансионате, в Уэльсе, но сейчас у нее летние каникулы, поэтому она и приедет сюда. – Уф! Я чувствую, что снова могу дышать. Теперь я жду его реакцию. Я готова ко всему.

Лицо Сэма превращается в маску.

– Беллс? Так вот ты о ком говорила с твоим отцом? – задумчиво произносит он. – И ты мне сказала, что это ваша собака.

– Я никогда этого не говорила. Беллс... Изабель. – Я пожимаю плечами. – Мы называем ее Беллс.

– Так, – он задумчиво чешет затылок. – Так... Я мог бы и сам догадаться. Ну ладно, это о'кей. Нет, постой, – он повышает голос, – почему ты не сказала мне об этом?

– Не знаю. Прости. Я думала, что ты будешь против ее приезда. А у меня нет выбора; ей больше некуда деться. Мама с папой во Франции. Мама неважно себя чувствует, – поясняю я, надеясь пробудить в нем сочувствие.

– Ну похоже, что у меня тоже нет выбора. – Он хмурится. – В следующий раз ты сообщишь мне, что у тебя брат сидит в тюрьме. Кэти, я не знаю, что и сказать. Пока.

– Не уходи. – Я хватаю его за руку. – Нам надо поговорить.

– У нас была для этого вся неделя, Кэти, и вчерашний вечер тоже. – Он выдергивает руку. Тут снова звонит его мобильный. – Лейкмор слушает, – отвечает он. – Нет, Магуайр, я не это тебе сказал. Опять мы с тобой буксуем, черт побери?

Я закрываю за ним дверь. Мне становится ужасно плохо, до тошноты. Все это время я лгала себе, Сэму, Беллс. И почему я такая уродка? А вдобавок и трусиха.

– Надеюсь, ее поезд не опоздает; потрогаю дерево, – говорит Ив со своим туманным французским акцентом и стучит по моему столу.

– Спасибо, Ив. Ты закроешь?

– Да, да, не беспокойся. Я буду ждать с нетерпением *demain*, то есть, конечно, завтрашнего дня, чтобы познакомиться с твоей сестрой. – Она распускает свои золотисто-медовые волосы. Таких длинных волос я еще не видела ни у кого. Прямо как с картин Боттичелли.

– Моя мама всегда говорила, что я как Рапунцель – могу свешивать мои волосы из окна башни, – смеется она, выслушивая мои комплименты. – Где ты встречаешь Изабель?

Ив снова завязывает волосы в пучок и закрепляет их длинной заколкой, украшенной плодом киви из цветного стекла.

– В Паддингтоне.

Приходит клиентка, ищущая свадебный наряд.

– Ты обслужишь? – спрашиваю я Ив.

– Да-да, поезжай. До завтра. Пожалуйста, проходите, – она улыбается клиентке и ведет ее по деревянным ступенькам на второй этаж. – Думаю, у нас найдется как раз то, что вам нужно.

Пока я еду в Паддингтон на «БМВ», машине Сэма, мысленно составляю список вещей, которые мне нужно сделать. Во время ланча я съездила в «Сэйнсбери» и купила на вечер рыбы и нарезанный картофель. Когда я дала согласие взять к себе Беллс, я позвонила домой и спросила, чем ее кормить.

– В Уэльсе у них был по понедельникам мексиканский вечер, – сообщила мама. – А по пятницам им всегда давали рыбу и картофельные чипсы, а еще гороховое пюре. Я купила для нее консервированный горошек, гадость, но Беллс его любит.

– О'кей, я так и сделаю. – Если бы она ела по понедельникам, допустим, печеный картофель, составило бы это разницу?

– Если тебе некогда готовить ланч – и не надо. Она обожает индийские овощные пирожки «самоса», которые продаются в кулинарии. Кажется, по средам у них были индийские вечера? Или, может, вечера органических продуктов? – Мамин голос оборвался. – В общем, она любит готовить, так что, может, вы будете делать это вместе?

Я слушала маму, и в моей душе зарождалась паника. Я редко готовила Сэму. Чаще всего мы ужинали где-нибудь в ресторане, а если хотели выпить, Сэм оплачивал поездку домой в кэбе карточкой своей фирмы.

– Я не люблю готовить, терпеть не могу беспорядок и вонь, – заявил как-то Сэм. – Помнится, моя мать варила бульон из куриных костей. Так он вонял даже утром, – сказал он, брезгливо хмурясь.

– Беллс любит режим, – продолжала мама. – Для нее это очень важно. Они едят ланч ровно в половине первого.

– Ма, я буду стараться, но ей тоже нужно будет как-то вписаться в мой распорядок.

Мама вздохнула.

– Еще она любит кока-колу, но только покупай ей диетическую, иначе она испортит зубы. И своди ее в «Сэйнсбери», для нее это как экскурсия.

– Ладно. Это все? – Мое терпение кончалось.

– Да. Следи, чтобы она всегда брала с собой ингалятор. Астма у нее почти прошла, но мы не можем рисковать. – Я думала, мама спросит меня, курю ли я сейчас, но она не спросила.

– Конечно, ма.

– Спасибо, Кэти. – Кажется, мама устала, я это слышала по ее голосу.

– Ма, у вас все в порядке, да? Ничего плохого не случилось?

– Плохого? Нет! Если мы решили разок отдохнуть и совершить поездку, разве это означает, что случилось что-то плохое? Неужели мы не заслужили?

– Прости, ма, я не это имела в виду. – Я крутила телефонный провод, мяла его пальцами.

– Ты тоже меня прости. Я не хотела повышать голос.

Я отпустила провод. На моем пальце осталась глубокая, красная вмятина.

– Честное слово?

– Честное слово.

– Вам с папой давно пора отдохнуть. Желаю удачной поездки.

– Кэти?

– Да?

– Как ты сама-то?

– Нормально. Хорошо. – Почему мне всегда хотелось, чтобы мама спросила, как у меня дела, чтобы она больше интересовалась моей жизнью, но когда она спрашивала, я всегда отвечала очень кратко. – Ладно, я сейчас поеду за покупками!

– Я знаю, что ей будет с тобой интересно. Я буду спокойна.

– Мы прекрасно проведем время. А вы отдохните хорошенько. Поцелуй от меня папу.

– Кэти?

– Да?

Она кашлянула.

– Намазывай ей лицо солнцезащитным кремом, у нее такая нежная кожа.

– Не волнуйся, я буду заботиться о ней.

– Спасибо, – сказала она. – За твою помощь. Для нас с папой она очень дорога.

Я почувствовала, что ей хочется сказать что-то еще, и я ждала, но она больше ничего не добавила.

– Пока, ма.

– Пока, моя милая.

Поезд подъехал к платформе. Открылись двери, и пассажиры хлынули из них бугристой массой. Мужчины в серых фланелевых костюмах и с портфелями. Некоторые сняли пиджаки и ослабили галстуки. Мимо меня проходит беременная женщина в голубом хлопковом платье и сандалиях «Биркеншток». За ней на высоких каблуках девица с аккуратным и стильным чемоданчиком на колесах.

– Я уже на вокзале, кисонька, – говорит мужчина в мобильный, – к ужину буду дома.

Толпа исчезает, оставив безжизненную, серую платформу. Где же сестра? Неужели она не успела на поезд? Я растерянно иду по платформе, заглядывая в каждый вагон. Никого. И вдруг слышу, как открывается дверь. Из поезда шагает маленькая фигурка в джинсовой куртке, увешанной значками, круглой шляпе с вышитой эмблемой и красном футбольном шарфе. В руках большая лиловая сумка и пара пластиковых сумок с надписью «Сэйнсбери».

– Беллс! – кричу я и почти бросаюсь к ней.

– Привет, Кэти. Как дела?

Уф, какое облегчение! Я чуть не обняла ее, но вместо этого беру багаж.

– Молодец! Приехала! – хвалю я. Платформа совсем опустела, и над нами висит гнетущая тишина.

Первым делом я показываю сестре дом Сэма.

Кухня в цокольном этаже. На первом этаже просторная комната, похожая на стильную приемную модного врача: новые кожаные диваны и камин с узким серебристым прибором контроля. Темный книжный шкаф из древесины махагони полон блестящих книг в твердом переплете, к которым Сэм никогда не прикасался. Он вообще ничего не читал, кроме «Файнэншл Таймс». На втором этаже спальни и уютная комната с замшевыми креслами-мешками и большой гравюрой Стэнли Спенсера. Окно эркера смотрит на другие дома всех цветов радуги, расположенные полукругом. На верхнем этаже сауна со старомодной ванной.

– Сэм богатый? – спрашивает Беллс.

– Да, богатый. Он очень много работает.

Я отвожу сестру в ее комнату, большую спальню с двуспальной кроватью, гардеробом, высоким зеркалом (я позолотила его раму) и маленьким столиком, на котором стоит лампа с оранжево-белым стеклянным абажуром. Почти все в этой комнате белое – жалюзи, стены, покрывало. Единственное крупное цветное пятно – ковер с большим апельсином и красными кругами. Трудно понять, что Беллс думает о доме Сэма.

– Как выглядит твоя комната в Уэльсе? – интересуюсь я, присев рядом с ней.

«Мне бы хотелось, чтобы ты иногда навещала свою сестру», – говорила мне мама.

«Ты совсем ее забросила», – добавил папа.

– Не такая большая, как эта, – отвечает Беллс, взмахнув рукой. – У меня маленькая кровать, телевизор и много постеров. Окно выходит в сад и на море. На моем участке я выращиваю морковь и картошку. В этом году мы вырастили еще и клубнику. Ты любишь клубнику, Кэти? – Она выставляет большой палец.

– Да. У нас тут нет сада, – говорю я, оправдываясь. – Пожалуй, у тебя от мамы любовь к растениям. Я бы все загубила! У меня росли бы одни лишь сорняки. – Беллс ничего не отвечает.

– Тут у тебя тоже есть телевизор, это хорошо, правда? – Я показываю на большой серебристый аппарат с широким экраном в углу комнаты. – Ты можешь смотреть теннис. Как ты думаешь, кто станет победителем Уимблдона в этом году?

– Агасси.

– Ты что, шутишь? – произношу я, имитируя Джона Макинроя.

Она смотрит на меня без намека на улыбку. Придется мне не ограничиваться убогой имитацией Джона Макинроя, а придумать что-то поумнее.

– Ну давай достанем твои вещи? – Я расстегиваю молнию, и из сумки вылезает ком одежды и прочего барахла. – Почему у тебя джемпер Мэри-Вероники? – Я показываю Беллс на кусочек ленты с именем, какие мы пришивали когда-то в школе на спортивную одежду и носки. – Беллс, у тебя мало летних нарядов. Тут все, что ты взяла с собой? Несколько маек, странные свитера и пара штанов? О, постой, тут у тебя розовая блузка, на которой написано, что она принадлежит Джессике Холл. Думаю, что тебе нужно купить что-то новенькое. – Я разговариваю скорее с собой, чем с ней. – Убери все это в шкаф, а я пойду приготовлю рыбу и картошку. Договорились? Ты ведь любишь есть по пятницам картофельные чипсы, правда?

– У тебя сморщенные чипсы, какие делает мама?

– Я приготовлю хрустящие, такие, как у тети Агнес.

– О-о, – отзывается она, и совсем непонятно, довольна она или нет. – Как поживает тетя Агнес?

– Думаю, что нормально.

– А дядя Роджер? Он умер. Бедный дядя Роджер.

– Я знаю. Тетя Агнес тоже бедная. Теперь ей одиноко.

- Бедная тетя Агнес. А как мама?
- Ну ты ведь знаешь, что она уехала на отдых.
- А как папа?
- Он тоже уехал на отдых. Им сейчас хорошо. Они во Франции.
- Во Франции, правильно. А как бабушка из Норфолка?

Мама нашей мамы, бабушка, жила в Норфолке, поэтому мы ее так и называли. Я не знала, как у нее дела. Я не разговаривала с ней месяцами.

– Гляди, тут у тебя есть музыкальная установка, – показываю я, пытаюсь остановить цепь вопросов про клан Флетчеров.

Я слышу свой голос и удивляюсь. Я же не могу говорить с ней, как с десятилетней?

– Между прочим, ты скоро познакомишься с Сэмом, – обещаю я.

Сэм. Я по-прежнему нервничаю и со страхом жду его возвращения домой. Когда я попыталась ему позвонить, его секретарша сказала, что он либо «разговаривает по другому телефону», либо «на заседании». Он хорошо ее вымуштровал.

– Он с нетерпением ждет встречи с тобой. Ты будешь умницей, правда? – Я не могу удержаться и добавляю: – Никакой драмы, правильно. Мы с тобой замечательно проведем эти две недели, не так ли?

– Никакой драмы, – повторяет она.

– Вот и хорошо. Спускайся вниз, когда будешь готова.

Пока картофель жарится, я успеваю прикончить вторую порцию водки. Все последние дни я считала минуты до того момента, когда вечером я смогу себе позволить выпить. Долой чашку чая, мне требуется сразу что-то крепкое. Первый барьер я одолела. Беллс здесь, и мы с ней вроде бы нормально ладим. Второй и серьезный барьер – ее встреча с Сэмом.

Из спальни Беллс начинает звучать Стиви Уандер. Я мчусь наверх и распахиваю дверь. Беллс, стоя на кровати, прикалывает постер с Дэвидом Бекхэмом.

Симпатичная белая комната теперь вся покрыта футбольными эмблемами и стикерами; на двери появился постер с «Битлз» с крупной надписью «СЕКС, НАРКОТИКИ И РОК-Н-РОЛЛ». Мне это напоминает спальню Беллс в родительском доме. У нее была хозяйская спальня с раковиной, которой я завидовала, обои с цветочным бордюром. Но Беллс обои не нравилась, она нарисовала на них кошек и зайцев и приколотла постеры с ее любимыми поп-звездами Стиви Уандером, Дэвидом Боуи и «Битлз». Помнится, на стене была и фотография Боба Марли. Мама не возражала против испорченных стен. В этом отношении она была либеральной и многое нам позволяла.

Весь пол спальни усеян одеждой. Там же валяется растрепанная книга стихов, блокнот, деревянный ящик с масляными красками, коллекция компакт-дисков и фотоальбом. С тяжелым вздохом я нагибаюсь и начинаю убирать это безобразие с пола.

– Беллс! – кричу я. – Убавь звук! Слишком громко. – Я забираюсь на кровать. – Чем ты прикалываешь постеры? Неужели кнопками? – Боже, так и есть. – Беллс, не втыкай кнопки в стены!

– Почему?

– Там остаются дырки.

Она втыкает очередную кнопку в белую стену.

– Беллс, эй! Не делай этого. Что я тебе сказала?

– В Уэльсе мы так делаем. Мама мне тоже разрешала.

Я гляжу на покрывало.

– Мне плевать, что вы делаете в Уэльсе. Сейчас ты живешь у Сэма и у меня.

– Кэти вредная, – говорит она.

Я пожимаю плечами.

– Беллс, ты можешь снять обувь? Сэм любит, чтобы все разуваались, когда входят в дом. – Она все еще оставалась в своих странных маленьких башмачках «пикси».

– Почему? – спрашивает она и начинает прыгать на кровати, как на трамплине, сообщив мне, что у них в Уэльсе стоит такой в саду и что Тед прыгает выше всех.

– Что тут происходит? – раздается за моей спиной. Я поворачиваюсь и чуть не падаю с кровати.

– Привет, – говорит Беллс, протягивая ему свою маленькую руку. – Ты красивый.

Сэм странно на нее смотрит.

– Что она сказала? – Он окидывает взглядом комнату. – Тут какой-то свинарник, черт побери.

Беллс немедленно начинает хрюкать, а мне хочется провалиться сквозь пол.

– Так это твоя...? – Он не может подобрать слова.

– Это моя сестра Изабель. Беллс.

– Привет. Ты Сэм? – еще раз повторяет она, все еще протягивая свою маленькую бледную руку.

Он пожимает ее, вяло и нехотя.

– Так это Беллс? – Он снова оглядывает комнату; на его лице проступает отчаяние. Я киваю.

– Сэм, потом я приведу комнату в порядок, не беспокойся.

Он смотрит на постеры.

– Неужели она втыкала кнопки в стену, Кэти? Скажи мне, что она не делала этого.

Я спрыгиваю с кровати и бросаюсь к нему.

– Прости, я все исправлю, дорогой. Я обещаю тебе.

Сэм хватается руками за голову.

– Почему пахнет горелым? – орет он, перекрывая музыку, потом подходит к стерео и выключает его и телевизор. – Господи Иисусе, даже мой дед не врубал ящик так громко.

– Сэм плохой, – заявляет Беллс.

– Беллс! Не груби. – К счастью, он, скорее всего, не понял, что она сказала. Он все еще стоит и брезгливо нюхает воздух.

– Картошка! – я выскакиваю из комнаты.

– Б...! Разве можно было еще сильнее испортить мне вечер? – ругается Сэм, когда бежит вслед за мной.

День получился длинным. Наконец я поднимаюсь к себе наверх и ложусь в постель. Картошка подгорела, а гороховое пюре Сэм терпеть не может.

– Кто вообще может есть такую гадость? – возмутился он.

Я еле заметно кивнула в сторону Беллс, и он пожал плечами. Потом он попытался задать ей несколько вопросов о ее поездке.

– Я ни слова не понял из того, что она сказала, – сказал он, когда Беллс глядела на него, ожидая ответа. Потом она принялась от разочарования стучать вилкой по столу, напрасно повторяя свои слова.

– Ты сделай хотя бы вид, что понимаешь Беллс, – попросила я его после ужина.

Конечно, Сэм злится на меня за то, что я ничего не говорила ему о Беллс, и его можно понять. О чем я думала? Он ушел выпивать с Магуайром.

Я выключаю свет и закрываю глаза. Как быстро он убрался из дома!

Я закричала, когда увидела возле моей кровати силуэт маленькой фигурки.

– Беллс, что ты делаешь? – Я стремительно села. – Иди к себе и ложись. – Ответом было молчание. Я вскочила и потрясла сестру за плечи, чтобы разбудить.

На лестнице послышались мамины шаги, потом заскрипел пол в коридоре. В мою спальню вошла мама в длинной ночной рубашке и халате.

– Нельзя ее будить, – отругала она меня. – Если это повторится, отведи ее в спальню и уложи в постель. Беллс, дорогая, ты хочешь пописать перед сном?

– Да, – ответила она, подняла свою белую ночнушку и присела на корточки.

– НЕТ! – в один голос воскликнули мы с мамой. Мама захохотала, я тоже. Потом и Беллс, подражая нам, издала свой жутковатый «смех Джен Эйр», смех безумной-леди-запертой-на-чердаке.

Я включаю свет и смотрю на часы. Всего лишь полночь. Меня сотрясает дрожь. Я услышала маму и Беллс так, как будто это было вчера.

В доме мертвая тишина. Когда мы были детьми, Беллс бродила во сне почти каждую ночь. Маме пришлось установить на окне ее спальни белую решетку из толстых прутьев. Я вылезаю из постели и иду по коридору к комнате Беллс. Открываю дверь; мне в глаза ударяет свет. Мама говорила мне, что Беллс до сих пор не может спать в темноте и что я должна зажигать небольшой ночник в углу ее спальни.

Я слышу ее ровное дыхание, когда она переворачивается на другой бок. Она такая крошечная, меньше пяти футов. Из-за своего роста она выглядит моложе своих лет. А еще из-за рыжевато-каштановых коротких волос ее можно принять за мальчика. По словам папы, он никогда не хотел, чтобы Беллс отрастила волосы. «Ты не должна прятаться за свои волосы, – говорил он ей, когда она, подростком, хотела выглядеть как все остальные. – Гляди миру в глаза».

Я опускаюсь на колени и смотрю на спящую сестру, на каждую черточку ее лица. Вот знакомый шрам над верхней губой, похожий на две буквы «С». Еще она всегда носила в левом ухе три маленькие серьги-гвоздика, среди них зеленый камень, обрамленный золотом.

Ее рука высунулась из-под одеяла. Кожа такая бледная, что не верится, есть ли в ней кровь. Я осторожно касаюсь ее, кожа мягкая, словно сливочное масло.

После ухода Сэма мы с Беллс убрались в ее комнате и посадили на столик возле кровати белоснежную сову, сделанную для нее мамой. Беллс любит сов. Мне мама сшила гепарда. Его звали Чарли. Беллс аккуратно положила на столик свой ингалятор и маленький фотоальбом, весь облепленный наклейками с Дэвидом Бекхэмом. Мама говорила, что она всюду таскает с собой этот альбом; для нее он как любимая игрушка, приносящая успокоение.

Я беру его и не спеша листаю. Возле каждого снимка на маленькой белой наклейке указаны точная дата, время, место и имя. Вот фотография мамы в ее студии, она улыбается в камеру, ее руки в глине. А это неудачный снимок папы, читающего газету. Еще – заливной луг, где мы гуляли в детстве. Нашелся в альбоме и снимок парня в лиловом спортивном костюме и свитере, с попугаем на руке. На его шее идентификационная карточка. «Тед, 1990, Сент-Дэвидс, в саду, лето».

Беллс открывает глаза и смотрит прямо на меня. Я в панике думаю, что мне придется оправдываться, но она снова закрывает глаза. Интересно, о чем она думала, когда ложилась спать? В детстве ей часто снились кошмары, и в ее комнате постоянно горел свет – маленький розовый домик. По словам папы, Беллс боялась темноты после всех операций, через которые прошла в раннем детстве. У нее развилась фобия к анестетикам, она кричала перед каждым уколом. Она не знала, что такое анестезия, но точно знала ее действие – черноту. Папа молодец, он поговорил со мной и все объяснил. Он был по своей природе добрым и мягким. В конце концов Натали, сестра Эммы, увлекавшаяся парапсихологией, предложила нам провести сеанс альтернативной терапии под названием «Черный ящик». Надо было отрезать у Беллс прядь волос – для сеанса требовалось что-то физическое, а не одежда. Эту прядь мы положили в ящик, и Натали приступила к дистанционному лечению. Мама с папой называли

все это глупостью, но решили, что им нечего терять. К тому же мы все сходили с ума от постоянного недосыпа. Я до сих пор помню, что Натали попросила меня поцеловать ящик, мол, это создаст хорошую вибрацию. Через несколько дней Беллс перестала реветь по ночам. Вот такая получилась магия.

Я поднимаюсь на ноги. В спальне тихо, и мне не хочется вспоминать тот хаос, который творился тут вечером. Выходя из комнаты, я слышу ее тихий голос.

- Тут нет ничего опасного? – сонно спрашивает она.
- Тут нет ничего опасного, – шепчу я в ответ, совсем как когда-то мама.
- Обещаешь?
- Обещаю.

9

1989

Три ступеньки, и я в маминой студии. Негромко звучала классическая музыка, как всегда. Студия напоминала зоопарк – попугайчики, парочка какаду, зебра, жираф, тигр, львица и несколько обезьянок стояли на полках, некоторые незаконченные, некоторые мама считала браком, потому что они перекосились вправо или влево. Мама скульптор. Ее последняя работа – верблюд на подогнутых коленях. Ее подруга ездила в пустыню Сахару, там ей очень понравился верблюд, на котором она ездила, и она попросила маму сделать для нее по фотографии фигурку этого верблюда. В студии на доске были приколоты письма и открытки от счастливых заказчиков, для которых мама лепила и рисовала обезьянок, рыбок и прочую живность.

На длинном столе в середине студии стояли банки с кистями, валялись открытые тюбики с краской. Я вдохнула знакомый запах уайт-спирита, глины, мела и пыли.

– Как дела, милая? – спросила мама, не отрываясь от своей работы. Ее рыжевато-каштановые волосы были завязаны сзади голубым шарфом в белый горошек. Еще она носила большие серебряные серьги-обручи, придававшие ей сходство с цыганкой.

Я уже знала, что единственное время, когда я могу повидаться и поговорить с мамой, – либо когда она готовит и кухня наполнена запахом чеснока, – мама любила класть не меньше десяти зубчиков чеснока во все блюда, – либо когда она в студии.

– В школе все хорошо? – пробормотала она, работая пальцами и подпевая звучащей мелодии. Ее руки были липкие от глины. Мама, пожалуйста, повернись ко мне, мысленно попросила я. Но вместо этого сама прошла вперед и встала перед ней.

– В школе все хорошо? – рассеянно повторила она.

Я сбросила на пол свой рюкзак и решила не говорить ей, что меня опять отругали за косметику. «Ступай и смой с лица эту черную дрянь», – сказала занудная математичка. На прошлой неделе меня поймали за кражей в «Бутс» черного карандаша для глаз, туши и маскирующего крема. В дом пришла полиция, чтобы поговорить с мамой и папой. Им посоветовали обратиться к консультанту по вопросам семьи. «Воровать глупо, Кэти, – сказал со вздохом папа. – Либо, если уж ты крадешь, то выбирай что-нибудь посолиднее, чем карандаш для глаз. И не попадайся в следующий раз».

– Неплохо. Что ты слушаешь?

– «Мадам Баттерфляй».

– Что это?

– Гепард. – Она откинулась назад и любовалась своей работой. – Когда я была в твоём возрасте, мама возила нас в Африку, в питомник диких зверей. Я до сих пор помню, как гепард катался на спине, будто большая домашняя кошка. Мне так и хотелось просунуть руку сквозь решетку и погладить его. Я бы так и сделала, если бы меня не оттащила мама. Понимаешь, звери ведь могут укусить.

Я содрогнулась.

– А что они едят?

– Бобров, птиц, бородавочников, антилоп.

– Мне нравятся его пятнышки.

– Ты знаешь, что на хинди гепарда так и называют – «пятнистый»?

Я покачала головой.

– Что это за темные линии у него под глазами? У тебя потекла краска?

– Потекла? Нет! Глупая. Это «ручейки слез». – Наконец-то она посмотрела на меня. –

Он тебе нравится?

– Он?

– Гепард, глупая.

– Да, нравится. Он красивый.

– Ну вот, бери его. Он закончен.

– Правда? – На моем лице появилась улыбка. – Но для кого ты его делала?

– Не имеет значения. – Она взъерошила мои волосы и улыбнулась. – Теперь он твой.

10

Я просыпаюсь и не сразу соображаю, где я. Что-то нарушило мой сон. Кажется, я вернулась домой, я в маминой студии. Мне даже чудится запах уайт-спирита.

После папиного звонка я много думала о доме, особенно о маме. Вчера днем, в бутике, я поймала себя на том, что переносюсь мыслями к новогодней вечеринке у миссис Киссинджер, на которую она пригласила нашу семью. Тогда мне было лет двенадцать. Папа прозвал ее Леди Поцелуйчик, потому что она возомнила себя светской леди и любила посылать всем ужасные воздушные поцелуи со звуковым сопровождением. Помню еще, что она была похожа на мопса. В гостиной, освещенной хрустальной люстрой, гостей угощали перепелиными яйцами и блинами с копченым лососем. И вдруг Беллс подняла свою бархатную юбочку и пописала прямо на ковер. Дело в том, что если мы не напоминали ей о том, что надо пойти в туалет, она забывала, что это нельзя делать на пол. Леди Поцелуйчик помчалась к нам с воплями, что это ее любимый ковер с охотничьими сценами. Теперь на свирепом всаднике, который замахивался копьем, появилось мокрое пятно. Остальные гости не смотрели в нашу сторону и делали вид, что увлечены беседой. Я еще никогда не видела столько спин, повернутых к нам. Папа потом радовался, что Леди Поцелуйчик больше нас не приглашала в свой дом.

Сэм все еще крепко спит. Вероятно, он лег часа в четыре утра. Я сую ноги в полосатые шлепанцы и накидываю шелковый халат. Заглядываю в комнату Беллс, но не нахожу ее там. Наверное, она внизу. Я обнаруживаю ее возле кухонного стола, тыкающую пальцем в скульптуру из молочных бутылок. На ней мешковатые серые спортивные штаны и красная оксфордская майка.

– Осторожнее, Беллс.

– Что это?

– Тебе нравится?

– Не-е.

Я скрываю улыбку.

– Не говори это Сэму. Это его любимое произведение искусства.

– Не нравится Сэм. – Она отдергивает руку от скульптуры, словно дотронулась до чего-то грязного. – Он часто говорит слово на букву «Б». Нам не разрешают говорить это слово.

– Ты мало знаешь Сэма, – твердо заявляю я. – Нельзя судить так быстро. Будь с ним вежливой, о'кей?

– Не нравится Сэм, – повторяет она.

– Беллс, это дом Сэма. Он великодушно разрешил тебе сюда приехать. Тебе надо узнать его ближе. Ты хочешь позавтракать?

– В Уэльсе мы едим мюсли на завтрак. Сами себе делаем.

– Нам нужно кое-что купить в «Сэйнсбери». Ты хочешь пойти со мной?

Когда мы входим в «Сэйнсбери», я вижу нас на экране видеонаблюдения. Беллс теперь в своей розовой блузке с рюшами, джинсовых штанах «дангери», лиловых башмачках

«пикси» и круглой шляпке с вышитой эмблемой. Я в облегающей оранжевой юбке, бледно-желтом топе и оранжевых сандалиях, украшенных бисером. Сэм сказал, что я похожа на мандарин.

Я вдыхаю восхитительный запах свежего хлеба и понимаю, что хочу есть.

– Привет, как дела? – спрашивает Беллс у пожилой леди, едущей на голубом скутере с черной корзинкой на рулевой колонке. – Сколько вам лет? – Она во все глаза смотрит на скутер, у которого сзади наподобие номера прикреплена табличка «Блубёрд-2».

– Простите, – говорит леди, не глядя на нас, и берет с лотка авокадо.

Беллс возвращается ко мне с двумя лимонами.

– На твоём месте я бы не стала здороваться со всеми подряд, – спокойно замечаю я, когда мы идем дальше. – А ещё ты удивишься, но многие люди не любят говорить о своём возрасте.

Беллс берет пакеты с сушеными фруктами – черносливом, курагой, изюмом, инжиром – и овсяные хлопья для мюсли.

– Мы можем купить диетическую кока-колу, – говорю я, когда приходим в отдел напитков.

– Удачи вам, – раздаётся мужской голос. Я поворачиваю голову и вижу бородатого старика, толкающего тележку, полную апельсинов. Он хлопает по плечу другого мужчину, который размышляет, какой же томатный кетчуп ему купить.

– Удачи вам, – снова говорит он, подмигивая. На нём надет вязаный свитер с утками и черные перчатки без пальцев. Когда он говорит, его глаза подергиваются; на мгновение он задерживает взгляд на нас с Беллс. Я поскорее опускаю глаза, надеясь, что этот человек не станет тыкать в нас пальцем.

– Сумасшедший дядя, – говорит Беллс. – Бедный.

– Тс-с-с, не смотри на него. – Я быстро толкаю нашу тележку. Беллс наполнила её органическими продуктами. Единственным неорганическим продуктом оказалась банка с гороховым пюре. Беллс говорит, что это единственные консервы, которые ей нравятся. Она положила в тележку продукты, которые я никогда не использовала. Ей понадобились сушеные белые грибы, кокосовое молоко, перец чили, кориандр, лавровый лист, фаршированные оливки, кунжутное масло, свежий имбирь.

– Что мы будем делать со всеми этими травами и прочим? – спрашиваю я, переживая, что счет за покупки получится огромный. – Ты ведь часто готовишь у себя дома, верно? Я готова поклясться, что им это нравится.

– Да, они зовут меня «королевой кухни».

Я вздыхаю с облегчением, когда мы наконец подходим к кассе. Очередь длинная, мы встаем за высоким мужчиной с всклокоченными русыми волосами. В его тележке среди прочих покупок упаковка блинчиков, мед, небольшая лазанья, маленькие пачки мороженого и бутылка красного вина. Обычно такой набор лежал и в моей тележке.

Беллс стучит по его руке.

– Хелло.

Я опускаю глаза и сосредоточенно смотрю себе под ноги.

Он оборачивается.

– Привет.

Услышав его ответ, я бросаю на него быстрый взгляд. Очки, белая майка и темные джинсы.

– Извините, – произношу я со вздохом.

– Хелло. – Беллс снова стучит его по плечу, потом протягивает ему руку.

– Беллс!.. Извините, – говорю я, морщась от неловкости. Он с болезненной улыбкой трет свое плечо и протягивает Беллс руку.

– Тебе нравится Бекхэм?

Он явно сомневается, правильно ли расслышал ее слова, и я киваю. Если вы представите, как можно говорить, не касаясь языком нёба, то поймете, как звучат слова Беллс. Мне-то легко, потому что я слышала ее речь с детства.

– Да, я считаю, что Бекхэм крутой, и Пош Спайс тоже так считает. Я вижу, ты его любишь. – Он кивает на футбольные значки на ее штанах.

– У тебя есть дети? – продолжает она. Ох, пожалуйста, замолчи.

– Правда? – Он рассеянно улыбается.

– У тебя есть дети? – спрашивает она уже нетерпеливо.

Он пристально смотрит на нее, пытаюсь понять, что она сказала.

– Нет, у меня нет детей, – отвечает он, и я снова киваю, словно подтверждая – молодец, правильно понял. – Ну, надеюсь, что нет, – добавляет он с лукавой улыбкой.

– Сколько лет?

– Беллс! – в отчаянии восклицаю я. Мне хочется замотать ее лицо шарфом и обязательно заткнуть им ее рот.

– Ничего, все о'кей, – говорит мужчина, складывая продукты в сумки. – Двадцать девять.

– Это моя сестра Кэти, – объявляет Беллс, побарабанив мне по плечу. – Я приехала в Лондон.

Он отвечает ей, что в Лондоне много интересного. Пока он говорит, я невольно думаю, что если бы он причесал волосы, снял очки и чуточку набрал вес, то был бы вполне привлекательным.

– Вы хотите кэшбэк? – спрашивает его кассирша.

– Нет, благодарю.

– Карта «Нектар» у вас есть?

Он роется в кармане и вытаскивает несколько карт. Отдав нужную девушке, он оглядывается и снова смотрит на меня. Странно, но мне кажется, будто мы с ним уже где-то встречались.

– Пока, – прощается он.

– Да, пока, – отвечаю я, все еще пытаюсь соединить его лицо с каким-то именем.

– Пока-пока, – добавляет Беллс.

Мужчина снова оборачивается к нам.

– Кстати, мне на самом деле тридцать четыре! Просто мне трудно смириться с моим возрастом. – Я смеюсь, наблюдая как он уходит.

Беллс спрашивает и у кассирши, сколько ей лет. Пожалуй, это уместнее, чем интересоваться, сколько она весит, думаю я в отчаянии.

– Простите, что? – переспрашивает девушка.

Прежде чем Беллс успевает повторить вопрос, я снова приказываю ей не задавать вопросы незнакомым людям, особенно про их возраст.

– Лучше мы оплатим наши покупки и пойдем. Простите, – извиняюсь я перед кассиршей.

– Все нормально, – говорит она.

Я раздраженно толкаю тележку к выходу, резко прерывая Беллс, когда она нацеливается на кого-нибудь:

– Нет, не говори ничего!

– Нет!

– Даже не думай об этом!

– В машину!

Наконец я вставляю ключ в замок зажигания и с облегчением перевожу дух.

Уф! Мы выбрались из «Сэйнсбери» целыми, никто нас не прогнал и не побил длинным черствым багетом.

– Это только первый день. Я справляюсь, я справляюсь, – бормочу я себе под нос.

С божьей помощью я продержусь эти две недели. В ближайшие четырнадцать дней мне придется забыть о своей независимости, верно?

11

1988

Мне тринадцать лет.

– Как ты встретила с папой? – спросила я маму, когда мы ехали на машине. Она взяла нас с Белле посмотреть, как папа проводит аукцион. Странно было видеть ее без обычного рабочего комбинезона. Теперь она была в зеленом платье, а волосы были заколоты ее любимым черепаховым гребнем. Чуть ли не впервые мы поехали куда-то все вместе. Поездка в Лондон! Обычно мы сидим дома. Моя лучшая подруга Эмма ездит иногда куда-нибудь, а мы все дни торчим дома.

– Ну, моя мама отдала мне картину, написанную под импрессионистов, и я отправилась в Сотбис – узнать, стоит ли она чего-то. Картина была для нас загадкой, потому что была без подписи, но походила на Писарро. Мне очень хотелось ее продать. – Мама покачала головой.

– И что же оказалось? Она что-то стоила?

– Бесплатного ужина, – засмеялась мама. – Я познакомилась с вашим папой, и он пригласил меня в ресторан. В тот самый момент, когда я его увидела, мне стало ясно, что он войдет в мою жизнь. Иногда такие вещи невозможно объяснить, просто чувствуешь, и все.

– Как любовь с первого взгляда? – спросила я.

– Да, пожалуй. Тогда он был ассистентом. И большим шутником. Тамошний эксперт мрачно объяснял мне, что моя картина, увы, не представляет ценности, а в это время ваш папа передразнивал его, стоя за его спиной. Он был невероятно привлекательный, просто неотразимый. Еще мне, помнится, бросился в глаза его большой нос. Ну это трудно не заметить, правда, девочки? Но это ничего, он хорошо сочетался с его длинным и худым лицом. А в его глазах было столько флирта... – Мама увлеклась воспоминаниями. – Стоило ему улыбнуться, и его глаза уже увлекали тебя. Вы поймете, что я имею в виду, когда повзрослеете. Я помню, как он дал мне свою визитную карточку. Кристофер Флетчер. «Марианна Флетчер», сказала я тогда себе.

– Ма, как грустно. – Я тяжело вздохнула. – Я не могу себе представить, что мне захочется выйти замуж за мальчиков из моей школы.

– Когда-нибудь с тобой тоже это случится. Ты не захочешь стать женой человека с фамилией Пратт, или Берк, или Фогсботтом.

Она была права. В моей школе была девочка по фамилии Смели, и каждое утро она боялась школьной перекички. Белле засмеялась, а мне уже надоел этот разговор. Я отвернулась к окну.

В аукционном зале было темно, много народу; люди входили и выходили. Еще там был красный ковер. Рядом со мной сидел мужчина с огромными усами, он походил на моржа. Мама пожадничала и не купила мне каталог, и я незаметно заглядывала к Моржу. На каждой странице было нацарапано много звездочек возле цен.

За завтраком папа объяснил, как все происходит на аукционе. Устанавливаются оценочная стоимость и резервная цена, которая означает, что дешевле продать уже нельзя. Дожевывая последний кусок тоста, он добавил, что гордится тем, что его девочки сегодня приедут смотреть на него.

Морж покосился на меня; я выпрямилась в своем кресле. Он крутил в пальцах ручку и с любопытством поглядывал на меня.

– Вы хотите взглянуть? – спросил он с сильным акцентом. Он был французским моржом.

Я пылала восторгом. Вот когда ты идешь в кино, и весь зал ждет, когда начнется фильм. Вот так и тут – все ждали моего папу.

Наконец он вошел в аукционный зал в своих начищенных ботинках, аккуратном костюме и в галстуке. Это я выбрала ему утром такой галстук. Иногда он позволял мне это делать. Он носил очки в черной оправе, придававшие ему очень умный вид.

– Это мой папа, – громко прошептала я своему соседу-французу. Мне нравилось, что мой папа такой красивый.

– Добрый день, у нас сегодня много замечательных картин. Так что начнем. – Папа кашлянул. – Лот номер один. Эскиз женского лица, художник Матисс. Начальная цена двадцать пять тысяч фунтов. Кто начнет?..

Морж поднял кверху что-то похожее на лопатку для пинг-понга.

Внезапно торги пошли стремительно и жаростно. Я с удивлением смотрела на Моржа, а он все поднимал и поднимал свою лопатку. Атмосфера накалялась. Мама сидела красная и все время пыталась остановить Беллс, чтобы она не тянула руку и не мешала торгам.

– Привет, па! – выкрикнула она.

Две старухи, сидевшие за нами, перешептывались.

– Зачем надо было приводить ребенка в такое место? Это просто смешно.

Я повернулась и смерила двух немолодых леди моим самым презрительным взглядом.

– Это мой папа! – уже кричала Беллс и махала ему.

Мама потянула меня за руку.

– Мы уходим, – пробормотала она. – Простите, – извинилась она перед человеком, сидевшим рядом с ней. Задвигались стулья, люди подгибали ноги, чтобы мы могли пройти. Я не хотела уходить. Я чувствовала устремленные на нас глаза. Сидевшие за нами старухи торжествовали и ворчали что-то про безмозглую мамашу. Я обернулась и показала им кукиш. Старухи охнули, а папа разочарованно посмотрел на меня.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.